

АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ

СПИРАЛЬ

ЭКСМО

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Спираль

«Автор»

2002

Ливадный А. Л.

Спираль / А. Л. Ливадный — «Автор», 2002 — (Экспансия: История Галактики)

Неожиданная находка на далеком астероиде заставила `черного археолога` Антона Польшина вспомнить о трагедии десятилетней давности, когда десантник Польшин участвовал в кровопролитном сражении с космическими корсарами. Тогда он был тяжело ранен, а его друг попал в плен к врагу. Но теперь в руках Антона оказалась ниточка, ведущая к похитителям... Его союзниками в борьбе с межзвездными работниками становятся потомки древнейших рас: разумные насекомые, двухголовые логриане и даже кибернетический мозг с планеты Деметра. Однако на своем пути Польшин встречает не только друзей...

© Ливадный А. Л., 2002

© Автор, 2002

Содержание

Часть 1.	5
Глава 1.	5
Глава 2.	17
Глава 3.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Ливадный

СПИРАЛЬ

*Время действия согласно Хронологии «Истории Галактики» –
3790-3800 годы.*

Часть 1. Адреналин.

Глава 1.

Неисследованный сектор пространства. Борт разведывательного корабля класса «Тайфун», порт приписки: планета Аллор...

Это было странное место.

Странное и опасное – последнее ощущение являлось безошибочным интуитивным чувством, которое никогда не изменяло Антону Польшину.

Его небольшой разведывательный корабль (сокращенно: АРК) медленно всплывал из пучины аномалии космоса в трехмерный континуум. Реальность еще не воспринималась приборами оптического слежения – обзорный триплекс кабины был черен как ночь, но танцующие на экране масс-детектора тонкие нити уже складывались в нечто, поддающееся описанию. Компьютер оцифровывал эти линии, выстраивая на их основе сетчатую модель вероятного рельефа.

Антон медленно сбрасывал напряжение низкочастотного генератора, пытаясь понять, куда он попал?

Стены. Компьютер явно пытался изобразить при помощи зеленоватых, сетчатых плоскостей неровный рельеф окружающих корабль стен...

Антону такая интерпретация показаний масс-детектора откровенно не нравилась, стены, смыкающиеся вокруг корабля, казались ошибкой, искажением, но не стоило забывать, что Рукав Пустоты иногда преподносил такие загадки, от которых голова шла кругом...

Он снова посмотрел на предлагаемый бортовым компьютером рельефный рисунок. Справа, слева, впереди и сзади – везде зеленая изгибающаяся муть...

Что бы это, Фрайг его раздери, могло означать?

Рука Антона остановила движение вариатора. Пока корабль висел на зыбкой грани двух физических метрик, он как бы не существовал ни для одной из них – гиперсфера уже отторгла его, а трехмерный космос еще не принял, и в эти критические секунды оставалось решить: переходить эту зыбкую грань или нет?...

В такие моменты космический корабль, управляемый опытной, твердой рукой, чем-то похож на аллигатора, затаившегося в мутной воде у самого берега, куда приходят на водопой стада парнокопытных. Неподвижно застывший среди илистой взвеси хищник практически ничего не видит, его зрение улавливает лишь смутные тени, возникающие на поверхности воды, и чаще всего смертельный для жертвы бросок совершается на уровне интуиции...

Аналогии красочные, но неверные в плане последствий.

Промашнувшийся аллигатор просто останется голоден и снова уползет в илистые глубины водоема, чтобы повторить попытку позже; промахнувшийся пилот, поднимая корабль из пучин гиперсферы в таком плотном окружении реально существующих масс, рискует не обедом, а

жизнью – если в момент окончательного гиперпространственного перехода эти зыбкие сетчатые плоскости начнут вдруг резко сжиматься, надвигаясь со всех сторон, вывод один – корабль материализовался внутри какого-то космического тела: астероида или малой планеты, – на звезду показания масс-детектора явно не тянули, – но на подобные измышления у пилота останутся доли секунды, в течение которых его корабль смешается с молекулами той кристаллической решетки, куда он вторгся... произойдет вспышка, взрыв, и уже никто впоследствии не сможет с уверенностью сказать, какая часть расплавившегося и тут же вновь отвердевшего вещества принадлежит астероиду, какая кораблю, а какая – управлявшему процессом человеку?..

...И все же сетчатые стены, при внимательном рассмотрении, казались стабильными, завершенными – существовал шанс, что это пещера, каверна внутри огромного космического тела.

Если принимать во внимание специфику Рукава Пустоты, это могло быть фрагментом огромной постройки одной из двух древних рас – логриан или инсектов, и тогда, проявив нерешительность, Антон явно упускал невероятную удачу: ведь сбор артефактов, оставшихся в Рукаве Пустоты от упомянутых цивилизаций, являлся его работой и главным источником средств к существованию. Говоря простым языком, Полюнин был «черным археологом», добывающим раритеты для небезызвестного владельца сети антикварных магазинов на планете Аллор, уважаемого бизнесмена по имени Джонатан Роглес...

Мысленно помянув это имя, Антон покосился на датчики энергоресурса и понял, что исчерпал тот лимит времени, когда он еще мог колебаться, уставившись в мерцающий экран масс-детектора. В эти секунды генератор низкочастотного поля, удерживающий корабль на зыбкой границе двух физических систем, выкачивал сотни гигаватт энергии из бортовых накопителей АРК, световой столбик индикатора емкости синхронно с этим сползал все ниже и ниже, приобретая красноватый оттенок...

Рука Антона медленно толкнула вперед ползунковый вариатор напряжения...

...Бледная вспышка показалась ему ослепительной, сетчатые стены компьютерной модели рельефа, слава богу, остались на местах, одновременно прорисовавшись смутными тенями на круговом триплексе внешнего обзора кабины, но корабль вдруг начало кренить вправо, угрожающе подтаскивая к одной из материализовавшихся на оптическом триплексе стен...

Пальцы Полюнина пробежали по сенсорам клавиатуры, и, подчиняясь их касаниям, тут же сработали лазерные дальнометры включившегося автопилота, коротко польхнула корректирующая вспышка дюз правого борта, компенсировав непонятную тягу. АРК вздрогнул, вбирая импульс реактивной тяги, и скала поползла прочь, смещаясь в верхний правый угол центрального сектора обзора...

Теперь в распоряжении Антона осталось несколько секунд, чтобы осмотреться и принять решение, как действовать дальше. Гиперпереход состоялся, он и корабль уже находились в трехмерном пространстве, привычном как для человеческой психики, так и для датчиков бортового компьютера, но, поднимаясь в трехмерный континуум, вынырнувший из гиперсферы объект неизбежно получал несколько неприятных сопутствующих эффектов, таких, как спонтанное вращение вокруг или даже поперек оси, попросту – кувыркание в пространстве, а также остаточное напряжение низкочастотного поля, которое воздействовало и на сам корабль, и на окружающие объекты...

Внешне это выглядело примерно так: в центре огромной темной пещеры, не видевшей проблесков света на протяжении сотен, а, возможно, и миллионов лет, появился бледный фантом остроносого космического аппарата; несколько секунд он висел неподвижно, оставаясь призраком, потом вдруг резко начал набирать физический объем, и его тут же закрутило, поволокло к одной из стен, далее последовала короткая серия вспышек – это Антон вовремя отра-

ботал дюзами коррекции, и одновременно с этим выступающая часть скальной породы, попавшая под остаточное воздействие низкочастотного поля, вдруг задрожала, начала терять свои очертания, которые стали зыбкими, будто мираж, и...

Антон услышал отчетливый хлопок, переданный внешними микрофонами корабля, когда кусок базальтовой глыбы исчез в ином пространстве-времени, и этот звук мгновенно подсказал ему два очень важных факта: во-первых, гиперпереход состоялся благополучно – аномалия космоса окончательно отпустила корабль, сожрав в обмен на это эквивалентный по массе кусок камня, а во-вторых, в той каверне или пещере, куда попал его корабль, присутствовала разреженная атмосфера.

Пальцы Польшина пробежали по сенсорам пульта, разыгрывая мгновенную, но четко осмысленную партитуру команд. Следовало стабилизировать корабль, максимально отдалив его от стен пещеры, исключая при этом использование «горячей» реактивной тяги, – неизвестно, что за газовая смесь наполняет пещеру и насколько она взрывоопасна.

Ответ на эти вопросы поступил в течение ближайших минут. Сверившись с уточненными данными приборов, Польшин окончательно убедился, что его корабль вышел в трехмерный космос внутри огромной пещеры. Полость в теле астероида, скорее всего, была естественным геологическим образованием. Сама же малая планета, внутри которой завершил свой гиперпереход корабль Польшина, имела форму изогнутой, корявой картофелины и насчитывала примерно две тысячи километров в наибольшем диаметре...

Газ внутри пещеры оказался смесью из водорода, азота и гелия.

Пока Антон разбирался с показаниями наружных анализаторов, бортовой компьютер успел отработать струйными рулями «холодной» тяги, добавив немного азота в атмосферу внутренней полости астероида. Самопроизвольное вращение корабля прекратилось, неровные стены, покрытые то изломами трещин, то плавными потеками минеральных отложений, то древними лавовыми наростами, оставшимися от происходивших тут когда-то извержений, прекратили скольжение по плоскостям экранов, и, завершая процедуру стабилизации, включились, наконец, прожектора, осветив пространство в радиусе трехсот метров вокруг корабля.

Зрелище, представшее глазам Польшина, оказалось воистину фантастическим.

Стены пещеры буквально искрились в свете бортовых прожекторов, сама каверна оказалась огромной: лазерные дальнометры оценивали расстояние до близлежащих боковых стен в пределах от четырехсот до семисот метров, впереди и сзади корабля царил сумрак, постепенно переходящий в непроглядный мрак, что говорило о большой, многокилометровой протяженности пещеры в этих двух направлениях.

Пока что никакими постройками древних рас и связанными с ними артефактами даже и не пахло – вокруг царила первозданная красота дикой, неживой природы. Антона не покидало ощущение, что эти стены сегодня впервые увидели свет.

Польшин чуть умерил сияние прожекторов, чтобы змеящиеся по стенам пещеры блики не так слепили глаза.

Первая опасность миновала, и теперь можно было немного расслабиться. Он откинул забрало гермошлема (Антон сидел за пультом управления в скафандре, который хоть и стеснял движения, но гарантировал жизнь в случае внезапной аварии) и коснулся сенсора, затребовав у автоматики жизнеобеспечения кофе и сигареты.

Ничего себе прыжок... – ощущая запоздалую нервную дрожь, подумал он.

Справа от кресла пилота среди приборных панелей открылась ниша бытового назначения.

Закурив, Польшин вновь посмотрел на экраны.

Сам факт выхода из гиперсферы внутри планетоида был не просто любопытен, а уникален. Из этого, даже в отсутствие находок, можно извлечь какую-то минимальную выгоду. Теперь координаты этого места, а также полные характеристики безопасного «всплытия» в

трехмерный космос содержится в памяти бортового компьютера его корабля. После первого рискованного опыта сюда можно будет возвращаться с той же легкостью, с какой, например, всплываешь по координатам гиперсферного маяка любой из цивилизованных планет.

Но это перспектива будущего – пока что Польшинин, наслаждаясь минутным отдыхом и крепким кофе с хорошей сигаретой, всерьез надеялся, что удача будет сопутствовать ему и в дальнейшем не придется использовать это место, как экскурсионный маршрут для пугливых обывателей, ни разу не испытавших настоящего риска гиперсферных всплываний. Воображение рисовало ему более приятные перспективы, но, чтобы проверить состоятельность своих надежд, ему следовало пройти всю пещеру от начала до конца. Возможно, у нее окажется выход наружу, на поверхность малого небесного тела, и тогда он сможет определить не только гиперсферные координаты данного места, а еще и истинное местоположение планетоида, относительно общепринятых звездных ориентиров.

Допив кофе и погасив сигарету, он вновь включил прожектора на полную мощность и осторожно повел корабль вперед, ориентируясь по данным рельефа, который рисовал для него бортовой компьютер.

На протяжении пяти километров проход между стенами напоминал извилистую трещину, корабль плыл в ней очень медленно, постоянно маневрируя, меняя направление и скорость. Польшинина изрядно утомило это осторожное скольжение, но любопытство первооткрывателя упорно подстегивало его, заставляя двигать корабль вперед.

Наконец стены расселины, которая брала свое начало в оставшейся позади пещере, вновь начали расширяться, открывая пространство еще более протяженной полости, чем та, в которой всплыл АРК Польшинина.

Притормозив полет корабля, он исследовал открывшееся пространство при помощи приборов. Датчики, поднявшиеся из своих ниш, расположенных под кожухами брони, тут же сообщили, что наличие газа в этой пещере постепенно сходит на нет, да и саму полость вернее было бы назвать гротом – она имела широкий выход на поверхность планетоида.

Антон сориентировал корабль в направлении, указанном приборами, и погасил прожектора, чтобы определить, есть ли снаружи какой-либо источник света.

Он не ошибся: устье пещеры, расположенное в нескольких километрах от корабля, оказалось освещенным, но что это был за свет!..

В первый момент Польшинину показалось, что у него галлюцинация, в виде радужных пятен, плавающих в поле зрения после резкого отключения галогенных прожекторов, но нет, проходили томительные секунды, а разноцветное сияние не исчезало, пока он не убедился, что видит истинную картину реальности...

Впереди, за широким устьем пещеры, космос переливался красным, фиолетовым, зеленоватым, розовым... почти все цвета радуги и их оттенки в близлежащем пространстве, наслаиваясь друг на друга, перемешивались, словно имели материальную структуру.

Сверившись с датчиками анализаторов, Антон понял, что так оно и есть: впереди, за пределами пещеры, простирались скопления газопылевых облаков очень большой плотности, образующих неизвестную ему туманность, а их свечение было вызвано излучением звезд, которые находились где-то в непосредственной близости отсюда. Лучистая энергия огромных, раскаленных светил, не в силах пробить или рассеять плотные скопления газопылевых облаков, разогревала их, заставляла светиться молекулы газа и мельчайшие частички пыли, образуя этот фантастический коктейль красок, похожий на северное сияние.

Несколько минут Антон откровенно наслаждался фантазмагорическим зрелищем – редко кто из астронавтов мог похвастаться, что видел подобное воочию. Как правило, скопления газа и пыли, образующие плотные туманности, являются местом, где зарождаются, начиная свой эволюционный путь, звезды. Эти участки космоса опасны и фактически непригодны для космоплавания. Частицы мельчайшей космической пыли, присутствующие в скоплениях

облаков, пагубны для обшивки кораблей, навигация в среде, состоящей из взвеси газа и пыли, чрезвычайно затруднена, из-за ограниченной видимости и короткого радиуса действия приборов локации. Гиперсферные прыжки в пределах туманностей также исключены – если корабль выходит в трехмерный континуум среди множества пылевых частиц, они неизбежно внедряются в его броню, внутрь отсеков, и эффект от такого совмещения масс равен одновременному удару тысяч микрометеорных частиц.

Подумав об этом, Польшин испытал двоякое чувство: с одной стороны, ему несказанно повезло – его АРК материализовался в пещере, свободной от пылевых частиц, а с другой – несмотря на невероятное везение и уникальность совершенного прыжка, он понимал, что промахнулся. Целью Антона являлся Рукав Пустоты, который не зря получил свое название – там не могло быть ни газопылевых туманностей, ни звезд, а переливающееся впереди великолепие красок говорило как раз об обратном... Какая-то неточность вкралась в расчет гиперсферного прыжка, в результате чего точка всплывтия оказалась расположенной среди странной газопылевой туманности в неизвестном количестве световых лет от Рукава Пустоты.

Придется оправдываться перед Роглесом за напрасную трату ресурсов... – не без раздражения подумал Антон.

Пока он размышлял над проблемой своего промаха, корабль, управляемый бортовым компьютером, преодолел половину пространства пещеры и теперь находился в двух с половиной километрах от ее расширяющегося устья.

Снаружи продолжало бесноваться великолепие красочных туманных полос, протяженность которых составляла десятки тысяч километров, между ними застыли величественные вихри, чье спиральное кружево занимало миллионы кубических километров пространства, кое-где виднелись слоистые воронкообразные структуры соответствующих объемов. Все эти причудливые скопления газопылевых облаков, разогреваемые скрытыми в них молодыми звездами, выделяли такое количество вторично излучаемых фотонов, что автопилот, экономя энергию, отключил бортовые прожектора: по мере приближения к выходу из пещеры вокруг становилось все светлее, мрак окончательно отступал, превращаясь то в кроваво-красный, то в изумрудно-зеленый, то в фиолетовый сумрак, который проникал в пещеру под разными углами отражения, причудливо смешиваясь в полутона...

Да, разговор с Роглесом будет не из приятных, – опять подумал Антон, осматривая стены пещеры, на поверхность которых ложились змеистые блики всех цветов радуги...

У самого выхода из каверны, где уже зримо клубилось завитое спиралью облако газопылевой взвеси, исчезающее в багряной бесконечности, что-то ярко блеснуло. Польшин выделил этот блик среди других чисто машинально – отсвет имел правильную геометрическую форму, напоминая две натянутые параллельно нити, которые вдруг ярко сверкнули и тут же погасли.

Что бы это могло означать? – подумал он, сосредоточив свое внимание в том направлении. Невооруженным взглядом он смог различить лишь какую-то глыбу вытянутой, уплощенной формы, озаренную багрянцем тепловой части спектра излучений туманности.

Несколько касаний сенсоров переориентировали приборы дальнего обнаружения к заинтересовавшей его точке, и спустя несколько секунд Польшин испытал еще одно потрясение, когда бортовой компьютер начал вычерчивать на тактическом мониторе геометрически-правильные линии какой-то рукотворной конструкции...

Тут словарный запас кончался. Оставалось лишь восхищенно выругаться, глядя на очерченные зелеными сетчатыми плоскостями контуры огромного космического корабля совершенно невероятной конструкции, которой – Польшин мог поклясться в этом – нет ни в одном техническом справочнике.

Внешне корабль напоминал огромного ската, раскинувшего свои крылья на сотни метров в стороны, – казалось, что это действительно тысячекратно увеличенный реликт давно исчезнувшей подводной фауны Земли, притаившийся у стены огромной пещеры...

АРК Польшина казался букашкой на фоне такой громады...

У Антона пересохло во рту. Трудно описать его состояние в эти минуты. Он только что совершил рискованный прыжок через гиперсферу, открыл новый, но, как казалось, бесполезный в плане практического применения маршрут, был раздосадован этим и одновременно зачарован невероятной красотой открывающегося взгляду космического пространства, и вдруг на фоне этих переживаний возникает совершенно загадочная рукотворная конструкция, вызвавшая смешанное ощущение страха и восторга...

Определить ее назначение было несложно – перед Польшиним оказался причаленный к естественному выступу скалы космический корабль, но вот чей он, жив или мертв, в плане технической исправности, – об этом трудно было гадать, оставалось лишь приблизиться и проверить.

* * *

Почти час потратил Антон на осторожный маневр сближения.

Лететь к чужеродному кораблю напрямую, очертя голову, было бы глупо – неизвестно, как воспримет притаившийся у скального пирса исполин незваную кибернетическую букашку...

Существовали сотни вероятных опасностей, но, по мере приближения к кораблю, они начали рассеиваться одна за другой. Судя по внешним признакам, исполин был мертв.

Об этом свидетельствовали множественные пробоины в его корпусе, подле которых в относительном вакууме пещеры плавали облака мусора, выброшенные наружу избыточным давлением при декомпрессии пораженных отсеков.

Теперь, при более детальном рассмотрении, корабль выглядел немного иначе. Его основу составляла уплощенная снизу и сверху веретенообразная часть длиной в семьсот метров. К ней, в виде дополнительных секций и надстроек, крепились все остальные элементы конструкции. То, что издали Польшин принял за раскинутые крылья полуовальной формы, на самом деле являлось решетчатыми каркасами, которые очерчивали две неправильные дуги, располагаясь по бокам сплюснутого веретена. Несколько массивных пилонов, снабженных исполинскими муфтами, наводили на мысль, что две ажурные боковые конструкции имели свободу движения и могли поворачиваться на определенный угол относительно корпуса корабля.

Включив оптическое увеличение, Антон увидел, что в обоих решетчатых каркасах, образующих контуры правого и левого «крыла», присутствуют обрывки какого-то черного материала, поверхность которого слабо мерцала хаотичными искрами.

Очевидно, когда корабль был исправен, этот материал обтягивал плоскости обоих полуовальных «крыльев».

Трудно было представить, что за раса создала данную конструкцию. Сейчас людям были известны три цивилизации: инсекты, унаследовавшие эволюционные черты насекомых; логриане – двуглавые ксеноморфы, для описания которых точнее всего подходит выражение: «гибрид двух удавов с туловищем осьминога»; и хараммины – гуманоидные существа, похожие на людей, но с голубоватым оттенком кожи и немного иным строением черт лица. Еще одна раса, обитавшая наряду с ними в древнем космосе, – дельфоны, исчезла вместе со своими звездными системами в период противостояния ордам предтеч, три миллиона лет назад. Собственно, в том пространстве, где были взорваны звездные системы, колонизированные расой ластоногих, и образовался печально известный Рукав Пустоты.

Антон знал достаточно много о древних расах, к тому же у него имелся определенный опыт в области сбора и исследования артефактов, но пока что ни бортовой компьютер АРК, ни он сам не смогли идентифицировать гигантский корабль. Внешний вид странного объекта, с точки зрения Польшина, был новаторским для любой из известных ему рас.

До исполинской конструкции оставалось всего триста метров, когда Антон сделал еще одно немаловажное предположение – корабль, скорее всего, являлся боевым. У сплюснутого веретена имелись две торцевые поверхности, к которым крепились каркасы «крыльев» с обрывками загадочного черного материала внутри. Толщина видимого торца, по оценке бортового компьютера, составляла сто пятьдесят метров. Значит, внутренний объем плоского «веретена» условно можно разделить на три внутренние палубы, решил про себя Полюнин. Высота в пятьдесят метров с избытком удовлетворяла конструктивным решениям любой из перечисленных выше рас, в том числе и человеческой.

Рассматривая борт космического корабля, Антон нашел подтверждение своей догадке. По внешним признакам торцевая часть тоже была разделена на три палубы. Вдоль всего корпуса загадочного корабля тянулся выступ, к которому посредством множества ажурных конструкций крепились те самые «крылья», а вот выше и ниже параллельными цепочками тянулись вереницы люков, которые показались Полюнину подозрительно похожими на обыкновенные диафрагменные орудийные порты, какие до сих пор используются на современных космических кораблях, для защиты скрытых внутри систем вооружения. Такое техническое решение сохраняет обтекаемость корпуса корабля в обычных режимах полета, но стоит возникнуть боевой ситуации, как лепестковые диафрагмы раскрываются и подающие механизмы выдвигают наружу бортовые орудийные комплексы...

Итак, средняя, ходовая, часть и две боевые палубы...

Стоило допустить эту аналогию, как в сознании Антона, несмотря на странную форму всей конструкции, начала превалировать «человеческая версия» происхождения корабля. Эта мысль опять принесла двойное чувство – в душе Полюнина авантюрист постоянно боролся с исследователем-археологом. Если конструкция окажется человеческой, это сулило массу захватывающих впечатлений, но никакой реальной отдачи в плане сбора инопланетных артефактов, за которые платил Роглес.

Загадочный корабль становился все ближе, разрастаясь на экранах внешнего обзора.

Огромные дыры в его корпусе зияли, словно безобразные лазы в черноту. Они имели угловатую форму, с лучевидными трещинами по краям. Такие повреждения обшивки говорили не в пользу лазерного оружия: когерентный излучатель оставляет в броне округлое отверстие с характерными «залипшими» кусками расплавленного материала по краям, а те угловатые дыры, которые наблюдал Антон, больше походили на следы ударов крупных тупоносых предметов с небольшими кинетическими энергиями, – редко где были видны следы плавления брони, в основном же она была проломлена.

Неопознанная конструкция уже приблизилась настолько, что заняла собой все обозримое пространство на экранах рубки управления. Никаких признаков активности чужой корабль не проявлял, мимо проплывали облака мусора, при внимательном рассмотрении становилось ясно, что наиболее крупные обломки – это вырванные из тела корабля куски брони с фрагментами переборок, все иные вещи, не обладавшие жесткостью металла, сплело в комья, сцементировав замерзшими в вакууме частицами атмосферы из разрушенных отсеков. Не было никакой возможности различить, из чего именно состоят проплывающие мимо обледенелые комья. Кроме них и осколков обшивки, в пространстве вокруг титанического корабля присутствовали и более мелкие, разрозненные предметы – они парили в невесомости частой россыпью, образуя разреженные облака, – изредка Антон слышал стук об обшивку своего корабля или легкий, царапающий скрежет вдоль борта...

Автопилот вел его АРК на сближение с избранной заранее пробоиной.

Маневр причаливания к изуродованной обшивке был сложен, он отличался филигранностью всех операций, и потому Полюнин доверил стыковку бортовому компьютеру – не стоило лишнего раз испытывать судьбу и щекотать себе нервы перед высадкой непосредственно на борт чуждого корабля: там, без сомнения, ему пригодятся все душевные силы, хладнокровие

и мужество. Поэтому, закрыв забрало гермошлема, он позволил себе расслабиться в кресле и ждал, пока системы автоматического пилотирования медленно подводили его АРК к безобразной пробоине, зияющей в борту гиганта чуть ниже того выступа, к которому крепился решетчатый каркас порванных «крыльев».

Наконец мягкий, глухой удар, короткая, вибрирующая дрожь и ноющее потрескивание аппаратов вакуумной сварки, слышимое внутри корабля-разведчика, возвестили о касании и стыковке.

Антон расстегнул страховочные ремни и встал, утвердившись на металлическом полу рубки при помощи магнитных подошв-присосок своего скафандра.

* * *

Сияющие скопления газопылевых облаков бросали причудливые отсветы на огромный корабль и впившийся в его броню в районе пробоины маленький автоматический разведчик.

Густой, наполненный полутонами сумрак едва позволял различить крохотную фигурку в скафандре, выбравшуюся через шлюз АРК.

Размеры чуждого корабля подавляли, он заслонил собой все, полностью скрыв и устье пещеры, и близлежащие каменные своды. Медленно стравливая страховочный фал, Антон вплыл в угловатую пробоину и оказался в полнейшем мраке.

Проплывая сквозь брешь в обшивке, он заметил, что толщина бронированных плит корпуса составляет не менее метра. Оставалось лишь гадать, что за титан крушил ее...

Оказавшись внутри отсека, он включил плечевые фонари. Два конуса света прорезали тьму, облизывая деформированные переборки. Внутри отсека царил настоящий хаос. В невесомости плавало множество твердых шарообразных тел янтарно-желтого цвета. Поймав один из таких сфероидов, Польшин быстро сообразил, что это масло, которое в вакууме собралось в капли и перешло в иное агрегатное состояние.

Проплыв в глубь отсека, он увидел разбитые приборные панели... несколько мониторов, вмонтированных в переборку, темнели выбитыми экранами, рядом располагался наполовину открытый массивный люк.

Пока что он не сумел определить, чей это корабль. Приборы могли бы дать подсказку, намек, но они были изуродованы взрывом и покрыты толстым слоем затвердевшего масла, которое, излившись из пробитых трубопроводов, замерзло, окутав все предметы своеобразным панцирем.

Подплыв к приоткрытому люку, Польшин отцепил от пояса страховочный фал, связывающий его со шлюзом АРК, пристегнул карабин к искривленной стойке, уходящей к потолку изуродованного отсека, и освободил новый страховочный конец. На поясе его скафандра имелись еще два барабана с намотанными на них стометровыми тросами. Зацепив новый карабин за ту же стойку, он осторожно, чтобы не повредить скафандр, протиснулся в люк.

Свет плечевых фонарей вырвал из тьмы фрагмент коридора. Собственно такой планировки и следовало ожидать. По личному опыту Антон знал, что наиболее важные отсеки любого корабля расположены ближе к центру и носовой части, где они защищены слоями внешних палуб. Если он хотел собрать больше информации об этом реликте с наименьшими затратами времени, то ему следовало двигаться в указанном логикой направлении. Болтаться в разрушенных отсеках внешнего слоя, среди хаоса угловатых, плавающих в невесомости обломков было рискованно и бесперспективно.

Он подергал трос, проверяя надежность его крепления, и медленно поплыл вправо по темному коридору, в надежде отыскать переход на следующий уровень внутренних коммуникаций корабля.

Такой переход обнаружился через пятьдесят метров. Сразу три массивных люка образовывали сегментированный выступ. Два боковых были закрыты, центральный же оказался выжжен. Антон сразу узнал работу тяжелого импульсного излучателя плазмы: от люка осталась лишь дыра, края которой покрывали частые полукруглые выемки – стены, пол и потолок вокруг носили следы плавления от той температуры, что образовалась в коридоре в момент, когда работал ИИП.

За выжженным люком следовал еще один «слой» отсеков и коридоров, в основном технического назначения. Разрушения были повсюду, свет фонарей освещал выщербленные стены, погнутые трубопроводы, деформированные механизмы. Приборные панели попадались нечасто, и все они носили следы какого-то исступленного, варварского уничтожения – ни единого уцелевшего окошка датчиков или экрана, все покорежено, изувечено до полной бесполезности и неузнаваемости.

Неожиданный сюрприз принесла ему следующая, очевидно, центральная часть огромного космического корабля.

Не без труда Польшин отыскал ведущий в нужном ему направлении люк, который удалось открыть при помощи рычага, просто отодвинув запирающую проход овальную плиту по ее направляющим.

За люком внезапно открылось огромное пространство.

Антон в первый миг растерялся: куда ни глянь – всюду пустота, лишь на высоте пятидесяти метров свет фонарей достает до плоскости потолка, покрытого выщербленными пластинами матово-белого цвета, – возможно, это был какой-то вид плоских осветительных плафонов.

Но главное, самое потрясающее открытие ждало его впереди.

Стоило сделать шаг за порог этого гигантского помещения, как магнитные подошвы скаффандра тут же потеряли контакт с металлической палубой. Сделав неосторожный шаг, он начал всплывать, и лишь натянувшийся страховочный фал спас его от бесконтрольного кувыркания в пустоте.

Справившись с пространственной стабилизацией тела, он отрегулировал слабинку разматывания троса и поплыл в метре над полом странного помещения, выполняя заученные до автоматизма движения, позволяющие ему двигаться в избранном направлении, словно пловцу-подводнику.

Его путь вел к центру огромного зала.

Свет плечевых фонарей резал вязкий мрак, выхватывая из тьмы непонятные, черные как смоль, ветвистые контуры каких-то конструкций, которые тянулись от пола отсека к его своду, выложенному из матово-белых пластин.

До самого последнего момента, пока разминуться с очередной ветвистой конструкцией уже стало абсолютно невозможно, Польшин едва ли верил своему интуитивному предчувствию, слишком уж необычным казалась та аналогия, которую пыталось навязать ему распоясавшееся воображение...

Дерево...

Это было дерево! Огромный, почерневший ствол, ветвящиеся лишенные листы побеги, морщинистая кора – настоящий гигант, которому должно быть понадобился не один десяток лет, чтобы дорасти до таких размеров!..

Это было потрясающе... невероятно...

Польшину потребовалось некоторое время, чтобы мысленно переварить факт такой необычайной находки: Дерево, обнаруженное внутри космического корабля!

Справившись с волнением, Антон опустился ниже, чтобы проверить еще одну, возникшую тут же догадку.

Он не ошибся – пол исполинского отсека был покрыт полуметровым слоем смерзшегося в вакууме грунта, на поверхности которого лежала ломкая, но все еще зеленая трава!

В растерянности он огляделся по сторонам.

Немые темные исполины возвышались вокруг, образуя нечто похожее на мертвый лес. Деревья не были высажены по какой-то системе, рядами, например, нет – каждое возвышалось в отдельности, в той живописной асимметрии, которая присуща настоящему живому лесу... Но ведь Полюнин прекрасно помнил, что находится внутри космического корабля, да и вырасти такие гиганты здесь не могли – пятидесятисантиметровый слой почвы мог удерживать и питать разве что траву, но не столетние деревья!.. Значит, их корневая система и часть стволов уходят ниже, сквозь переборку палубы, в какие-то специальные крепления, заполненные питательной средой.

Убей бог, он не видел смысла в подобном использовании внутреннего пространства космического корабля... Все увиденное потрясало, приводило в смятение его разум, воспитанный на определенной технической логике, – не зря этот космический корабль с самого начала показался ему столь необычным...

Единственное, что Полюнин знал в эту минуту наверняка, – он не уйдет отсюда, не выяснив, кому принадлежал этот искусственно созданный мир и что произошло с его настоящими хозяевами.

* * *

Двигаясь к центральной части огромного зала через мертвый лес почерневших деревьев, Антон размышлял над увиденным. Корабль явно подвергся нападению, об этом, бесспорно, свидетельствовали сотни фактов, но среди пробоин, разрушений, следов пулевого и энергетического оружия он не увидел ни одного тела, ни защитников корабля, ни нападавших. Все это казалось более чем странным.

Вопрос о том, кому на самом деле принадлежал этот реликт, все более занимал его разум, ведь в ответе крылся кончик той ниточки, ухватив который можно попытаться раскрутить историю странного корабля, понять: где, когда и с какой целью он был построен?

Часть ответа на заданные себе вопросы Антон обнаружил в самом центре исполинского зала.

Среди черных остовов погибших деревьев возвышалась палубная надстройка, которую мысленно так и хотелось назвать домом.

Но, приблизившись, Антон понял, что это не жилое помещение – перед ним вероятнее всего располагался командный центр огромного корабля. Пирамидальное сооружение с овальными окнами, на части которых были опущены бронешаюзы, окружали металлические дорожки, и благодаря их покрытию Антон вновь смог встать вертикально, задействовав магнитные подошвы скафандра.

Странно, ноги скользили, и ему пришлось сделать взмах руками, чтобы удержать равновесие. Нагнувшись, он понял, что поскользнулся на россыпи парящих у самого пола стреляных гильз от автоматического оружия доимпульсного образца.

Стены и окна управляющего центра были буквально изрешечены пулями, которые оставили сотни выщерблин на прочном сплаве стен и сеточку трещин на многослойных армированных стеклах.

Антон, наконец, утвердился на ногах, нагнулся, поймав один из цилиндриков, в изобилии парящих вокруг, и посмотрел на торец гильзы, где рядом с наколом на капсуле располагалась круговая надпись, состоящая из арабских цифр и немецких букв:

LX-4587-BWG.

Маркировка ничего не сказала Антону, но теперь, после того как под ноги попались гильзы от чисто человеческого изобретения – автоматического огнестрельного оружия, он уже не мог сомневаться, что какой-то из противоборствовавших тут сторон являлись люди.

Это только подстегнуло его.

Массивные своды входа в центр управления были распахнуты настежь. В проеме до сих пор плавали фрагменты разбитой взрывами ручных гранат баррикады из мебели, за которой, должно быть, укрывались защищавшие вход члены экипажа. Но ни снаружи, ни в холле самого здания не было ни единого тела. Бой здесь шел ожесточенный, это Антон, постигший азбуку войны на собственной шкуре, мог определить безошибочно, по количеству уродливых отметин на стенах, состоянию мебели, приборам...

Он долго блуждал по различным постам управления, пытаясь разобраться в том немногом, что уцелело тут после ожесточенной схватки, которая явно велась за каждый отсек.

Он всплыл вдоль лестницы, перебирая руками по посеченным осколками перилам, и на площадке следующего этажа в глаза ему сразу же бросилась надпись, исполненная на вполне понятном Польшину русском языке!

«Зал контроля боевых систем».

Двери были снесены взрывом.

Он вошел в темное помещение, перефокусировав плечевые фонари так, чтобы они давали рассеянный свет, освещая как можно большую площадь.

Теперь, глядя на целые, едва тронутые в нескольких местах незначительными разрушениями пульта, Антон окончательно убедился, что данный корабль принадлежал людям, причем, опять-таки, судя по надписям, которые дублировали друг друга под каждым прибором на русском и интеранглийском языках, членами экипажа корабля были выходцы с самой Земли: возможно, тут имело место объединение экипажей двух транспортов-невозвращенцев, чей состав изначально был сформирован по национальному признаку...

Холодная дрожь медленно проползла вдоль позвоночника Польшину. Все вокруг казалось одной сплошной загадкой, решить которую он был не в силах. Как, например, увязать его предположение о людях с Земли, затерявшихся в гиперсфере во время слепых прыжков, и странную, пока что ничем не обоснованную конструкцию исполинского корабля? При чем тут деревья, проросшие сквозь корабельные палубы, зачем прикреплены к бортам исполина эти ажурные конструкции, похожие на крылья?...

...Осмотрев зал управления боевыми системами и не найдя в нем ничего, способного пролить свет на историю корабля и разыгравшуюся тут трагедию, Антон направился дальше, исследуя один отсек за другим, пока не попал на самую вершину пирамиды.

Отсюда через надтреснутые пулями овальные окна была видна панорама мертвого леса и виднелись плоские крыши не замеченных ранее приземистых построек, прятанных среди деревьев.

Пульты главного поста управления почти не пострадали, но все же они были мертвы, скорее всего по той причине, что корабль давно лишился источников энергии. Можно было попробовать разобраться в надписях, но Польшину уже поджимало время – он и так блуждал по кораблю более четырех часов. Видеокамера, закрепленная на его шлеме, фиксировала все перемещения Антона, запечатлевая окружающие предметы в том ракурсе, в каком их видел Польшину, и с этим материалом логичнее поработать позже в более располагающей к углубленным исследованиям обстановке.

Последнее помещение, куда он зашел, была каюта без окон, с небольшим пультом управления, больше похожим на рабочий стол, сопряженный с терминалом компьютера.

Над столом, у выбитого ока монитора, парила перевернутая ваза, рядом плавал законсервированный вакуумом зеленый стебель какого-то растения, а подле открытого сейфа с мас-

сивной дверью черным веером рассыпались обгорелые листы полностью уничтоженных огнем документов.

Антон попытался разобраться в них, прочитав хоть что-нибудь на скорченных страницах, но сгоревшие листы превратились в прах от одного прикосновения.

Единственное, что он смог разглядеть на одном из сизо-черных листов, прежде чем тот рассыпался, было стилизованное изображение мифического животного и надпись под ним – «Земля. Проект „Элком“.

Глава 2.

Планета Аллор, мир дислокации штаб-квартиры колониальной администрации сектора Окраины...

Разговор по закрытой линии статкома оказался примерно того содержания, что и ожидал Антон.

Несколько минут назад он вернулся домой из космопорта. Чувствовал Польшин себя препаршиво – сказывалось напряжение двух гиперсферных прыжков, проведенных в некомфортных условиях АРК на постоянной подпитке полетными стимуляторами, которые исключали само понятие «сон».

Когда от твоего тела разит потом, а усталость, улучив момент, наваливается чугунной тяжестью, желая отыграться за двое суток, проведенных на допинге, в усталых мыслях превалирует одно желание: вымыться, наконец, и завалиться спать...

Сейчас Антон занимался тем, что стаскивал с себя пропахший потом полетный комбинезон, прижимая щекой к плечу трубку мобильного коммуникатора.

– Я просмотрел присланные тобой с борта материалы. – Роглес пока что разговаривал сдержанно, но Антон знал, что это ненадолго. – Ты промахнулся, мой мальчик. Сильно промахнулся...

Польшин ненавидел, когда к нему обращались «мой мальчик».

– Не каждая гиперсферная линия ведет к удаче, – ответил он старой как мир фразой пилотов, не желая ни грубить Роглесу, ни оправдываться перед ним, – все равно не поймет, что значит вести корабль по тонкой силовой линии «изнанки космоса», каждый раз испытывая ощущение игры в «русскую рулетку». Пилоты проверенных гиперсферных трасс летают совсем иначе – им неведом тот риск, который сопутствует работе разведчиков или нелегалов-контрабандистов: пройти курс от одного гиперпространственного маяка до другого – дело не хлопотное и нервов там много не потратишь...

– Да, я понимаю, – согласился Роглес, отвечая на его реплику относительно удачи, – но ведь ты уже дважды ошибался до этого... – Он угрожающе умолк, а затем добавил, так и не дождавшись оправданий со стороны Польшина: – Хочешь, я напомню тебе лимит моей расточительности? – Теперь в тоне Роглеса уже звучали и раздражение и угроза.

– Зачем же... я прекрасно помню условия соглашения, – ответил Антон, голым входя в ванную комнату. – Два промаха – и пилот уволен. Вам не показался интересным обнаруженный мной корабль? – спросил он, включая воду – пока что только те струйки, которые омывали тело по грудь, чтобы не намочить трубку коммуникатора. Какой кайф... После сорока восьми часов безвылазного прения в скафандре эта живительная влага напоминала амброзию...

– Обнаруженный тобой корабль – ржавый кусок дерьма, – грубо оборвал его блаженство голос Джонатана. – Он не стоит ничего, кроме просранных тобой ста тысяч, которые угроблены на бесполезный полет. Ты даже не попал в Рукав Пустоты, а мне нужны артефакты, настоящие артефакты, понимаешь, а не раздолбанные корабли, спрятанные в каких-то там пещерах... Обратись в фирму, занимающуюся сбором вторичного сырья, – раздраженно посоветовал он. – Тоже мне, историк-кладоискатель...

Антону страшно хотелось включить весь объем душевой кабины, чтобы голос Роглеса захлебнулся вместе с электроникой коммуникатора, его порождающей.

– Гильзы вас не интересуют? – сдержав подкатившую к горлу ярость, осведомился он, прекрасно зная, что этим предложением окончательно выведет Джонатана из себя, но, по большому счету, Польшину было в этот момент все равно – смертельная усталость стирала грани субординации и инстинкта самосохранения.

– Ты издеваешься? Какие гильзы? – прорычал голос в трубке.

– Старинные. С клеймом какого-то из земных оружейных заводов.

– Слушай, Польшин, ты мне дерзишь или как?

Антон предпочел промолчать.

– В общем, так... – подытожил наступившую гробовую тишину Роглес. – Очередной раз стартуешь послезавтра. Я дам тебе еще один шанс. Либо ты найдешь действительно что-то ценное, что перекроет издержки сегодняшнего полета, либо мои ребята сдерут с тебя неустойку по полной программе. Ты понял меня?

– Понял. – Антон не стал прощаться, свернул панель коммуникатора, приоткрыл дверку душевой кабины и вышвырнул прибор связи вон.

Наконец-то он мог нормально включить воду...

* * *

Спустя полчаса, выйдя из душа, он почувствовал себя немного лучше. Вторая мечта – немедленно завалиться спать, временно отступала на второй план. Роглес сказал – послезавтра, а это значит, что вместо обычных трех недель у него будут только сутки на подготовку очередного прыжка.

Сначала Антон хотел засесть за работу немедленно – в конце концов, он действительно промахнулся, ровно на сто тысяч кредитов (в такую округленную сумму по давней взаимной договоренности оценивалась заправка АРК активным веществом для прыжков и амортизация бортовых агрегатов в период полета), но, сев за рабочий терминал компьютера, Польшин взглянул на свое отражение, маячившее в глубинах погашенного монитора, и понял – сегодня толку от работы не будет, лучше по честному напиться, чем приниматься за прокладку такой ответственной вещи как гиперсферный курс...

Пока он размышлял таким мрачным образом, его пальцы машинально барабанили по рваной обложке первого тома «Истории Галактики», который лежал на рабочем столе.

Эту книгу, найденную на планете Хабор, Антон Польшин хранил вот уже десять лет...

На то было две причины. Во-первых, старое издание, выполненное еще на бумаге, обладало несомненной антикварной ценностью, а во-вторых, лицевая часть переплета была пробита осколком, который застрял в районе шестисотых страниц.

Когда-то эта книга, заткнутая за пояс, спасла Антону жизнь.

Он не знал, почему, растеряв по космическим госпиталям все свои вещи, он бессознательно сохранил потрепанный том «Истории Галактики», но теперь только эта книга да сидящий внутри страниц рваный осколок металла остались единственной материальной памятью тех дней.

Обычно бойцы, вырвавшиеся из пучин ада, хранят что-то на память, чаще – свои собственные посмертные медальоны, как знак несомненной победы над безносой старухой, но у Польшина не осталось даже его – свой личный номер на прочной, нервущейся цепочке он сунул в руки Паше Сытникову, по кличке Морок, когда того грузили в эвакуационный модуль.

С тех событий на Хаборе прошло без малого десять лет, в пространстве освоенного космоса произошли значительные перемены: старая Конфедерация Солнц, которой служил Антон Польшин, распалась, и после десятилетия хаоса на ее месте возник новый космический союз, в состав которого, помимо планет бывшей Конфедерации, вошли еще и две чуждые людям древние расы – инсекты и логриане.

Антон не любил вспоминать прошлое, но когда после очередного возвращения из поиска наваливалась усталость, например, как сегодня, он, не в силах уснуть и не в настроении что-либо делать, брал в руки пробитый осколком том «Истории Галактики» и листал его страницы, постепенно заливая свою усталость хорошим, выдержанным вином, доводя тупую отрешен-

ность, вызванную постэффектами действия стимуляторов, до простого человеческого желания лечь и расслабленно уснуть...

Открыв первую страницу, он водрузил ноги на подковообразный стол и сделал первый глоток вина... Роглес на несколько ближайших часов мог отправляться к Дьяволам Элио со всеми сопутствующими проблемами...

...

...Общеизвестно, что история движется по спирали, где каждый виток событий в чем-то повторяет элементы прошлого, с той лишь разницей, что все происходит на ином уровне научно-технического прогресса и общественных взаимоотношений.

Иногда спираль скручивается, сжимаясь, и тогда напряжение ее витков возрастает в тысячи, миллионы раз; события спрессовываются в коротких отрезках времени, наступают периоды потрясений и войн, за которыми неизбежно следует взрывообразное освобождение накопленной энергии. Спираль раскручивается, ее витки становятся плавными, протяженными – иногда это стабильные десятилетия мирной созидающей жизни, иногда – стагнация, регресс, откат в прошлое из-за разрушений и войн.

Историю развития человечества достаточно легко отследить до тех пор, пока цивилизация оставалась в границах Солнечной системы. В течение первых трех столетий Космической Эры, пока упомянутая спираль базировалась на Земле, охватывая, помимо колыбели человечества, околопланетное пространство и колонизированный Марс, витки событий все более сжимались, обретая угрожающее напряжение: численность населения катастрофически росла, буквально пожирая ресурсы, вытесняя из жизненного пространства все, хоть сколько-нибудь отличающееся от человека и обслуживающих его машин.

Двадцать третий век от Рождества Христова стал пиком этого напряжения. Казалось, еще немного, и наступит пресловутый апокалипсис – цивилизация попросту взорвется, уничтожая сама себя ради освобождения жизненного пространства для немногих уцелевших...

...

Антон сделал глоток вина, закурил и начал читать дальше. Сухое изложение общеизвестных фактов оказывало на Польшину особое, успокаивающее действие. Ему нравилось понимать, отчего мир сегодня устроен именно так, а не иначе. В конце концов, он всегда мечтал быть историком-археологом, но вышло так, что вместо поступления в институт истории и археологии космоса, базировавшийся на планете Элио, он попал на Аллор, где ступил на скользкую стезю контрабандиста, грабящего массовые усыпальницы древних рас, в которые превратились сожженные вспышками звезд планеты...

...

...Существовал ничтожный шанс развития событий по иному сценарию, но в ту пору его не обсуждали всерьез. Несмотря на явные успехи астронавтики: колонизацию Марса и обогреваемых искусственным солнцем лун Юпитера, звезды с их гипотетическими девственными мирами оставались все так же недостижимо далеки. Скорость света, владычествующая в физике трехмерного космоса, оборачивалась настоящим проклятием, вставая неодолимой стеной на пути дальнейшего развития человечества.

И все же этот ничтожный, фантастический шанс вырваться на простор Галактики сыграл решающую, хотя и нежданную роль в дальнейшей судьбе цивилизации.

К середине двадцать третьего века сжатая до предела спираль исторических событий действительно не выдержала, начала раскручиваться, но не в сторону взаимоистребляющей войны, а туда, в космос, к вожделенным, но недоступным, как прежде казалось, звездам.

История расселения людей в космическом пространстве, которое теперь принято обозначать термином «обитаемая Галактика», захватывает временной промежуток почти в две тысячи лет.

Экспансия к звездам не являлась прогнозируемым, планомерным и поступательным процессом. Расселение человечества по ста семидесяти звездным системам – это скорее серия импульсивных толчков, которые уже гораздо позже были систематизированы, описаны, осмыслены и получили статус достоверных исторических событий.

Посудите сами: первый опыт проникновения в область аномалии пространства, которую теперь принято обозначать термином «гиперсфера», являлся катастрофой. Колониальный транспорт «Альфа» при старте из Солнечной системы просто исчез с экранов всех приборов слежения в тот самый миг, когда силовые установки первенца колониальных амбиций человечества начали синтезировать колоссальную звездную энергию.

Многокилометровый корабль со всем экипажем и спящими на борту колонистами исчез, испарился из привычного нам трехмерного континуума, и на протяжении полутора тысяч лет никто не знал о его дальнейшей судьбе... Но катастрофа «Альфы», тщательно упрятанная под грифом «совершенно секретно», дала толчок к первым разработкам теории гиперсферы. Среди ученых, посвященных в тайну трагического старта, нашлись те, кто попытался взглянуть на исчезновение «Альфы» не как на катастрофу, уничтожившую корабль, а как на проявление неизвестного физического процесса, в силу которого колониальный транспорт не погиб, как принято было считать, а был отторгнут метрикой трехмерного космоса в область иных физических констант.

Результатом исследований данной теории стал старт первого автоматического гиперсферного корабля «Ванкор». Управляемый компьютерами разведчик совершил серию из десяти удачных прыжков, в конечном итоге вернувшись в привычный континуум за орбитами Юпитера.

Полет «Ванкора» позволил обосновать азы гиперсферной навигации. Стало понятно, что каждая звездная система имеет свой гравитационный отпечаток в «изнанке космоса», а сама аномалия обладает энергетическими уровнями, попадание на которые зависит от количества энергии, которую генерируют силовые установки корабля в момент прорыва метрики привычного нам пространства.

Анализ перемещений «Ванкора» не смог обосновать лишь одного очень важного фактора, который стал известен позже: кроме всего прочего, для перехода в область гиперсферы и обратно критическое значение имеет масса самого корабля.

На земле заканчивался 2217 год.

Всемирное правительство с трудом балансировало на грани четвертой мировой войны. Цивилизация больше напоминала паровой котел, готовый вот-вот взорваться из-за растущего давления изнутри. Колониальные амбиции уже переросли стадию научного эксперимента – Марс страдал от перенаселения столь же сильно, как Земля, колонии лун Юпитера, обогреваемые искусственным солнцем, не могли принять миллионы желающих покинуть Землю, и даже орбитальные города-станции, условия существования на которых лежали где-то между нищетой и экстремальными видами туризма, – и те становились похожими на муравейники.

В этих условиях полет «Ванкора» приоткрыл узкий лаз к иным мирам – автоматика экспериментального корабля не только собрала массу данных о самой аномалии космоса, совершив девять «обратных переходов», сориентированных по отпечаткам реально существующих звездных систем, бортовые компьютеры корабля произвели снимки точек выхода... и анализ цифровых изображений внезапно открыл ошеломляющий факт: пять из девяти исследованных звезд имели планетные системы, а в трех из них неоспоримо присутствовала жизнь, основанная на органике.

Это было невозможно скрыть. Снимки зелено-голубых миров разошлись по средствам массовой информации, вкупе с описаниями упрощенной, доступной для понимания рядового обывателя технологии полетов через новую область пространства.

Неизвестно, была ли данная утечка информации случайной или специально организованной, но именно она породила колониальный бум.

Известно, что плохой мир лучше хорошей войны. Те, кто прожил всю свою жизнь в перенаселенной коммунальной квартире, должны знать, как ноет под ложечкой это неизбежное желание: иметь СВОЙ дом. Ради его приобретения можно рискнуть, можно даже забыть о тихой ненависти к соседям, что высевалась и культивировалась всю жизнь...

Люди, организовавшие в этот критический момент новый вид бизнеса, имели в своем штате грамотных психологов.

В Солнечной системе возникло сразу несколько фирм, занимающихся постройкой «колониальных транспортов» – кораблей одноразового использования, преподносимых как «чудо новых технологий».

Всемирное правительство не пыталось воспрепятствовать этому дикому, возникшему фактически на пустом месте бизнесу.

Корабли строились, загружались, стартовали и... исчезали.

Триста тысяч человек на борту каждого колониального транспорта. Их имущество оставалось на Земле, переходя в собственность фирмы-отправителя, взамен они получали место в криогенной камере внутри исполинского многокилометрового «яйца», покрытого слоем герметичной отражающей брони.

Каждый транспорт уносил с собой полное оборудование колонии. В подавляющем большинстве случаев это были кибернетические механизмы, предназначенные для постройки первичного города-убежища, хотя существовали и иные варианты комплектации убывающих кораблей – все зависело от фирмы, которая строила тот или иной колониальный транспорт.

Только много позже стало понятно, что для повторения маневров «Ванкора» каждый из вновь построенных кораблей должен был обладать его массой, но стандартизация в годы колониального бума не являлась приоритетом – слишком прибылен оказался этот вид бизнеса, слишком много отчаявшихся «лишних людей» скопилось в недрах цивилизации, а в рекламировании тех планет, где никогда не бывал ни один человек, вбрасывались баснословные денежные средства.

С позиции дня сегодняшнего, это кажется массовым помешательством, безумием. Так оно, наверное, и было, за одним исключением.

Бросок в неизвестность на борту космического корабля, конечно, являлся отчаянным актом, но лихорадка тех лет была сдобрена искусно преподанной надеждой, обоснованной в грамотной рекламной политике, к которой тут же подключился заказной информационный прессинг, повествующий о грядущей со дня на день глобальной катастрофе на Земле. Психологи фирм-отправителей не зря ели свой хлеб. В понимании девяноста девяти процентов отбывающих из Солнечной системы, это был шанс, в то время, как жизнь в перенаселенных мегаполисах для большинства их обитателей уже давно не имела никаких перспектив.

Даже те, кто понимал, что за рекламными акциями кроется лишь доля истины и старт каждого колониального транспорта схож со щелчком револьверного барабана в «русской рулетке», все равно покупали себе места на отбывающих кораблях, потому что вторая составная часть информационного прессинга, повествующая о грядущей на Земле катастрофе, если и стучала краской, то ненамного.

Надежда всегда умирает последней.

Паровой клапан цивилизации открылся.

Историки, описавшие процесс массового исхода колониальных транспортов из Солнечной системы, – потомки тех, кому повезло.

Современная теория гиперсферы гласит: аномалия космоса имеет определенное количество силовых линий. Начинаясь в точке старта, они тянутся от гравитационного узла, образованного Солнечной системой или любой иной звездой к реально существующим космическим

объектам. То есть каждая нить гиперсферы, берущая начало на дне гравитационного колодца, образованного тяготением больших планетно-солнечных масс, действительно уводила к реальному объекту в трехмерном космосе, но никто не мог с точностью утверждать, на какую из нитей аномалии попадет тот или иной корабль и что за «материальный объект» окажется в конце выбранного наугад курса?

Так и вышло. Структура космоса построена на системе законов, констант, которые не могут меняться под влиянием рекламных кампаний алчных людишек. Опровергая рекламные ролики, силовые линии гиперсферы причудливо вели колониальные транспорты, разбрасывая их по бескрайнему простору спирального рукава Галактики, и в результате – повезло лишь единицам, основная же масса космических кораблей канула в безвестность.

Итогом этого исхода, который историки поздних времен назовут эпохой Первого Рывка, стало заселение шестидесяти семи планетных систем.

Колониальный бум ослабел, потом вовсе сошел на нет – слишком много кораблей-невозвращенцев кануло в пучины «Великого Ничто», да и от тех, кому повезло, не приходило вестей – связь через аномалию космоса изобрели позже, почти четыреста лет спустя, когда вторая волна Экспансии породила новую серию кораблей, большинство из которых вышли к мирам, освоенным и забытым в эпоху Первого Рывка.

Солнечная система вновь страдала от избытка населения, но силовые линии аномалии не изменились – корабли выходили в трехмерный континуум в системах уже заселенных, успевших за четыреста лет создать свои независимые очаги цивилизации, – новых поселенцев, представляющих, ко всему прочему, не лучшую часть человечества, тут не ждали и не собирались принимать.

Так началась первая Галактическая война: конфликт Свободных Колоний и Земного Альянса – жуткое по своей мощи и количеству жертв противостояние, едва не уничтожившее само понятие «человечество».

Но кроме этой, общеизвестной на сегодняшний день истории, есть планеты, и даже группы миров, о существовании которых не подозревает никто в обитаемой Галактике.

По умолчанию, в списке колониальных транспортов, стартовавших из Солнечной системы, им присвоен статус «невозвращенцев».

Но ведь каждая силовая линия аномалии космоса ведет к некоей точке гравитационного возмущения, которой в трехмерном континууме должен соответствовать материальный объект, обладающий массой планеты или звезды...

* * *

...должен соответствовать материальный объект, обладающий массой планеты или звезды...

Именно на этом утверждении строился поиск, в котором принимал участие Польшин.

Об истории давней, еще дочеловеческой, повествовала совсем иная книга – там описывалось развитие древних рас и их борьба с нашествием предтеч, но Антона, как и других подобных ему «черных археологов», волновал лишь тот факт, что на месте схваток миллионлетней давности, в которых гибли и взрывались звезды, остался так называемый Рукав Пустоты – область без зримых световых ориентиров. Провальная чернота, в которой нет возможности нормально летать, где отсутствуют какие-либо ориентиры, а блуждающий обломок давнего катаклизма может напороться на твой корабль в любую минуту. Главной добычей в Рукаве Пустоты были артефакты – чаще всего неразгаданные безделушки, останки давно оборванных жизней, но люди, в силу своей психологии, охотно платили немалые деньги за изуродованные и немые свидетельства тотальных катастроф, потрясавших этот участок спирального рукава

Галактики в ту пору, когда их предки еще кутались в звериные шкуры и едва научились добывать огонь.

Звезды в Рукаве Пустоты взорвались и погасли, энергия их катастрофического перерождения давно разлетелась рассеявшимися за миллионы лет кольцами туманностей, а принадлежавшие звездным системам планеты, лишившись центра тяготения, обрели внезапную свободу, удаляясь от мест катастроф по замысловатым траекториям, вычислить которые, не имея подробных исходных данных, не смог бы ни один навигатор.

Существовала единственная возможность оказаться в непосредственной близости от такого страшного, обгоревшего, окруженного шлейфом обломков древнего мира – поймать эмпирическим путем нить силового напряжения гиперсферы, которая тянется именно туда, в эту провальную черноту, где по блуждающим орбитам летит во мраке тот или иной обожженный планетоид, потерявший миллионы лет назад свою звезду...

Именно такого рода поиск составлял работу Антона...

...Тонкая трель, исходящая из недр терминала связи, заставила Польшину отвлечься от своих мыслей.

– Да? – он снял трубку коммуникатора, с неудовольствием отметив, что номер абонента в окошке определителя отсутствует: звонили с уличного статкома.

Голос в трубке оказался женским.

– Извините, это Антон?

Он нахмурился.

– Ну, допустим... – Польшин выдержал паузу, ожидая пояснений, но на том конце связи было слышно лишь прерывистое дыхание абонента. – Какой Антон вам нужен? Кому вы звоните?

– Извините, мне дали этот номер. Я хочу поговорить с Антоном... – дальше послышался шелест, видимо, звонившая переворачивала бумажку, – Антон Польшин, космический археолог, специалист по нетрадиционным гиперсферным трассам.

Пока она говорила, губы Польшина искривила улыбка.

Произнесенные вслух формулировки были явно притянуты кем-то за уши. «Космический археолог»... Польшин усмехнулся краешком губ, поймав свое отражение в мутном глянце компьютерной панели. В лучшем случае это звучало как дружеская издевка, в худшем – походило на неумелую провокацию полицейского управления колониальной администрации Аллора.

Усмешка медленно сползла с его губ:

– Я не знаю вас, мэ, и, к сожалению, я не занимаюсь космической археологией. Вам передали неверные данные. Извините.

– Пойдите, Антон, не отключайтесь. – Незнакомка явно угадала его намерение оборвать связь и не ошиблась: палец Польшина уже лежал на сенсоре отбоя. – Ваш номер мне дал Джонатан Роглес. Он сказал, что я должна попытаться переговорить с вами. У меня есть проблема, решить которую может только такой человек, как вы...

Ее речь была сбивчивой, в отрывистых фразах присутствовало больше эмоций, чем конкретной информации, но ссылка на Джонатана возымела успех. Палец Польшина убрался с сенсора отключения. Роглесу Антон был обязан многим. От Джонатана вряд ли будет исходить угроза провокации, – мысленно рассудил он, – и, скорее всего, эта нервная дама не имеет никакого отношения к бизнесу, связанному с контрабандой артефактов из Рукава Пустоты... Странно, в таком случае, что ей могло понадобиться от меня? – Антон размышлял, зажав ладонью сеточку микрофона. Мысленно перебрал и тут же отвергнув пришедшие на ум варианты, он нехотя поднес трубку к губам.

Он ненавидел внезапные звонки такого рода.

– Как видите, я не отключился, – после некоторой паузы, подавив раздражение, произнес он. – О чем идет речь? Говорите конкретно.

– Я хочу встретиться с вами. – Ее голос по-прежнему дрожал, и это обстоятельство опять-таки не вызывало у Польшина никаких положительных реакций. Он не любил людей нервных, эмоциональных, подверженных тем или иным настроениям – с ними, как правило, невозможно работать.

– Хорошо... – Ненавистный авторитет Джонатана все же сыграл в этом разговоре решающую роль: попробуй не откликнуться на просьбу протеже господина Роглеса – опять станет орать по мобильнику, вспоминая, как выгнали из дерьма и нищеты калеку-солдата, брошенного своей дражайшей Конфедерацией на произвол судьбы...

– К себе я вас пригласить не могу, предлагаю встречу на нейтральной территории, – произнес Антон, продолжая прерванный паузой разговор. – Где вы находитесь в данный момент?

– Я на перекрестке седьмой вертикали с шестнадцатым уровнем, – после некоторой заминки сообщила она.

– Понятно. – Он попробовал мысленно представить район с указанными координатами, но не преуспел в поисках. – Мне это ни о чем не говорит, – подытожил Польшин свои усилия. – Оглянитесь вокруг, найдите какую-нибудь яркую, бросающуюся в глаза вывеску.

– Сейчас, подождите секунду.

На некоторое время в коммуникаторе повисла тишина, нарушаемая лишь отдаленными звуками уличного движения, затем вернулся голос незнакомки:

– Напротив меня через дорогу большая голографическая вывеска. Ночной клуб «Орфей»... Он открывается через час.

– Идет. – Антон посмотрел на свои часы. – Погуляйте где-нибудь, я подъеду к открытию.

– Да... конечно... Но как мы узнаем друг друга?

– Я буду одет в длиннополое пальто «хамелеон», голова непокрыта, стрижка короткая «а-ля гермошлем», на вид лет тридцать. – Он усмехнулся и добавил: – Особых примет нет.

– Хорошо. – Она по-прежнему разговаривала надтреснутым, дрожащим голосом. – Я подожду вас тут. Приезжайте поскорее, ладно?

– Договорились. – Антон дождался сигнала отбоя связи и только после этого вернул трубку домашнего коммуникатора в соответствующее ей гнездо на панели компьютерного терминала.

Некоторое время он сидел в задумчивости.

Что бы это значило? Перезвонить Джонатану?...

Он находился в явном затруднении. С одной стороны, работа в Рукаве Пустоты без лицензии от вновь образованной Конфедерации Солнца, в состав которой теперь входили еще и две ксеноморфные расы – инсекты и логриане, являвшиеся, как ни крути, историческими наследниками тех самых артефактов, которые с риском для жизни добывал Польшин, чревата по новым законам длительным тюремным сроком... и в этой связи Антону волей-неволей приходилось с подозрением относиться к негаданным звонкам, действуя по принципу: береженого бог бережет, а с другой – поднимать панику, беспокоить Роглеса сомнениями относительно человека, им же рекомендованного, будет похоже на вызывающее, демонстративное недоверие, что, скорее всего, еще больше осложнит их и без того давшие трещину отношения.

Прошли золотые времена... – подумал Антон. Все было нормально, пока Роглес оставался обыкновенным владельцем нескольких старых гиперсферных кораблей. В ту пору он вел себя сдержаннее и не скрывал своего страха перед Рукавом Пустоты, предпочитая рисковать не собственной шкурой, а только кораблями, передоверяя их безработным пилотам, таким, например, как только что выписавшийся из госпиталя Антон Польшин. Теперь же Роглес разжирел, оброс сетью собственных магазинов, в нем появилась наглая вальяжность большого

босса, и это начинало раздражать до такой степени, что порождало стойкое желание плюнуть на все и уйти, заняться чем попроще...

Ладно... – мысленно подытожил Антон свои сомнения, убирая ноги со стола и вставая с кресла. – Будем действовать по обстановке, в первый раз, что ли?

Терминал домашней компьютерной сети послушно погасил мониторы, переходя в режим резерва, как только встроенные в кресло датчики перестали воспринимать вес тела хозяина.

Светился лишь небольшой овальный экран индикации голосовых команд, под которым рельефными буквами было прописано название модели бытового кибернетического комплекса.

Антон подошел к стене, коснулся сенсора, и панель обшивки, имитирующая зеркальное дерево планеты Рори, скользнула в сторону, открывая встроенный шкаф-купе с верхней одеждой.

Он потянулся за пальто.

– РИГМА, – не поворачивая головы, обратился он к системе, – вызови машину к подъезду. Я буду отсутствовать неопределенное время. После моего ухода включи режим охраны помещений.

– Принято, – ответил бестелесный голос.

На терминале вспыхнули и тут же погасли сигналы индикации.

Антон накинул пальто, провел рукой по короткому ежику волос, задержал взгляд на плечевой кобуре с импульсным пистолетом, которая висела в глубине шкафа, но брать ее не стал.

– Все, я ушел.

Дверь квартиры послушно распахнулась перед ним.

* * *

Ночной клуб «Орфей» занимал пять верхних этажей сверхнебоскреба на углу седьмой вертикали и шестнадцатого городского уровня. Архитектура мегаполиса в разрезе напоминала слоеный пирог: пласты городских площадей были как бы нанизаны на вертикальные столбы зданий, так что один и тот же небоскреб на разных высотах соотносился с различными улицами.

Это сверхвысотное здание оканчивалось тут – над шестнадцатым уровнем возвышались только пять его этажей. Квартал, если верить табличкам, именовался «поднебесьем», хотя соседние с «Орфеем» здания уходили еще выше, образуя островки нового, строящегося городского уровня.

Заведение преуспевало и явно не относилось к разряду дешевых, об этом могла свидетельствовать хотя бы парковочная площадка для личных транспортных средств, простирающаяся перед входом в клуб в виде овальной посадочной плиты с оранжевыми кругами разметки для флайеров и частой зброй парковочных мест для автомашин.

Площадка висела над пропастью городских улиц, поддерживаемая снизу мощными решетчатыми фермами. В условиях города-мегаполиса аренда такой площади стоила немалых денег, сравнимых с содержанием самого клуба.

Антон не любил сумасшедшее движение воздушных городских трасс и потому вот уже десять лет не изменял любимейшей марке «Гранд-Элиот». Надежная, комфортная машина на водородном двигателе, а главное – на четырех колесах. Есть, конечно, фанатики городского флайерного экстрима, но в жизни Понынина хватало острых ощущений и без выкрутасов в узких ущельях между домами-небоскребами. Свободные от работы минуты он ценил и предпочитал проводить их спокойно, наслаждаясь мягким шелестом покрывок по влажному стеклобетону городских автомагистралей, а не бешеным адреналином урбанистического воздушного слалома.

Припарковавшись, он вышел из машины и огляделся.

Ночная, а точнее, вечерняя жизнь города только начиналась. Квадратные клочки неба в проемах между зданиями серели смоговыми сумерками, лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь городское марево, сияли брызгами предзакатного пламени в окнах верхних этажей; народа вокруг почти не было – те, кто работал днем, уже вернулись домой, ну а контингент граждан, жаждущих ночных развлечений, появится на улицах чуть позже. Польшинин знал это по личному опыту, имея привычку к вечернему моциону, для которого выкраивал именно такие часы, свободные от толкотни на улицах.

Сегодня привычный уклад его городской жизни был нарушен странным звонком. Что ж... Посмотрим, зачем я понадобился нервной подружке Роглеса...

С этими мыслями Антон захлопнул дверку машины, дождался, пока компьютерная система, опустив замки, сдавленно пискнет, успокаивая хозяина, и пошел к разрисованному лазерами входу в ночной клуб.

* * *

Несмотря на ранний час, у входа в «Орфей» толклось человек пятнадцать, не меньше. Наметанный взгляд Польшинина тут же выделил двух охранников в гражданском, которые лениво делали вид, что не имеют никакого отношения к данному заведению. Их выдавали глаза. Такой взгляд обычно бывает у скучающих вахтеров, машинально процеживающих окружающие лица. Швейцар у входа занимался тем, что оттирал пятно на декорированной под мрамор пластиковой плите. Чуть поодаль три проститутки в преддверии рабочей смены с вялой заинтересованностью обсуждали кого-то. Антон краем уха услышал пару нелестных эпитетов, типа «красенная старуха» и «что она здесь трется?»... но не обратил на них должного внимания. Рядом с «ночными бабочками» собралась группа подростков, окруживших продавца легкой «дури» – эреснейской травы, которая в некоторых мирах давно была приравнена к табаку, но тут, на Аллоре, по-прежнему оставалась занесенной в разряд легких наркотических средств. В этой политике местной администрации присутствовала изрядная доля здравого смысла. Запретный плод сладок. Как только эреснейская трава будет продаваться в любом магазине, наряду с обычными сигаретами, ее никто не станет курить – удовольствие ниже среднего, Польшинин сам пробовал по молодости, а вот ее сегодняшние потребители из числа подростков тут же перейдут на более опасную для здоровья «дурь»... По мнению Антона, в данном случае аллорские чиновники из отдела по борьбе с наркотиками просто продемонстрировали компетентность, выбирая меньшее из зол...

...Польшинин лишь мельком скользнул взглядом по этой тусовке. Он искал звонившую женщину и, еще раз оглядевшись, понял, что стоявшая поодаль пожилая особа с вызывающе-ярким макияжем на лице, который, по неодобрительному мнению трех проституток, только подчеркивал ее морщины, и есть искомое...

Она нервно курила, стоя у невысокого ограждения, отделявшего край парковочной площадки от семидесятиметровой пропасти.

Он молча направился к ней. Незнакомка, стоявшая вполоборота, отреагировала на звук приближающихся шагов, отбросила наполовину выкуренную сигарету, не заботясь о том, куда упадет окурочек, и Антон тут же подметил про себя, что у нее замашки скверной аристократки.

– Это вы мне звонили, миссис?..

– Клеймон. Зовите меня миссис Клеймон, можно просто Сара, как вам удобнее.

– Отлично. Будем беседовать здесь или пойдем внутрь?

Она огляделась, потом нервно передернула плечами.

– Я бы предпочла говорить в более уютном месте. Эти юные потаскушки уже минут пятнадцать буравят меня глазами.

– Возможно, они увидели в вас свою соперницу? – не удержавшись, поддел Антон.

Дама укоризненно посмотрела на Польшину – буквально вlepила звонкую пощечину этим взглядом, и Антон вдруг почувствовал себя неловко.

Ладно... – в своей наблюдательно-философской привычке подумал он, направляясь к входу в клуб. – Один ноль не в мою пользу.

Швейцар уже закончил оттирать пятно и теперь стоял гранитной глыбой на фоне прозрачных дверей.

– Извините, сэр, вход по членским билетам. Это закрытый клуб.

Антон молча достал купюру в сто кредитов.

– Это сойдет за разовый билет? – вполголоса спросил он, поднимая ладонь с банкнотой так, чтобы переодетые в штатское охранники не видели предъявляемого «членского билета».

– Вполне. – Швейцар чуть посторонился, ловко приняв мзду. – На втором этаже есть отдельные кабинеты, – вполголоса дал он бесплатный навигационный совет.

– Учту, – буркнул Антон, пропуская вперед свою новую знакомую.

Он ненавидел платить за женщин, в присутствии которых не был заинтересован, и его настроение падало с той же стремительностью, с какой росло внутреннее убеждение в том, что его пытаются развести как обыкновенного лоха.

Вот только с какой целью?

Желание узнать ответ на заданный самому себе вопрос, да еще злополучный призрак господина Роглеса, маячивший за звонком этой «Сары», – вот два побудительных мотива, не позволившие ему просто развернуться и уйти.

Внутри ночной клуб «Орфей» подозрительно смахивал на дорогой бордель. Это впечатление несколько скрашивал внушительных размеров танцпол, расположенный в огромном холле здания. Центральный подиум имел площадь в несколько сот квадратных метров, его окружали столики, разделенные декорированными под дерево перегородками, выше гроздьями висели приборы для световых спецэффектов, а дальше царили многоэтажные кольцевые балконы, сквозь перила которых были видны десятки дверей, ведущих в отдельные номера. Наверху все это венчалось поделенной на прозрачные сегменты плоскостью крыши. Сквозь нее были видны габаритные огни соседних строящихся сверхнебоскребов и узкий клочок темного неба, на котором уже робко мигала первая вечерняя звезда.

Заметив посетителей, к ним подошел вежливый мальчик с зализанными набок волосами.

– Желаете уединиться? – без тени усмешки, по-деловому осведомился он. – Пятьдесят кредитов в час.

Антон кивнул. Мысленно оценив ситуацию, он достал еще одну банкноту, и ему тут же протянули магнитный ключ.

– Номер триста двенадцать. Второй этаж вправо по балкону. Желаю приятно провести время.

Польшина был уже зол не на шутку – ситуация, пусть и спонтанно возникшая, ничуть не забавляла его, но Сара Клеймон как раз в этот миг взяла его под руку и коротко спросила:

– Пошли?

Антон кивнул, скрепя сердце. Иногда с тобой случаются неожиданности, против которых в данный момент можно применить лишь одно средство: сделать по возможности хорошую мину при откровенно плохой игре. Рука, которую он ощущал сквозь тонкую ткань одежды, оказалась сухой, морщинистой и дрожащей.

Под искусно наложенным макияжем скрывалась самая натуральная старуха – в этом уже не оставалось никаких сомнений.

* * *

В номере, помимо широкой, похожей на стартовую плиту космодрома, кровати, к счастью, нашелся еще и журнальный столик с набором алкогольных напитков и двумя креслами по бокам.

Антон расстегнул пальто и сел, не снимая верхней одежды.

Сара Клеймон последовала его примеру, облегченно вздохнув при этом.

– Выпьем? – нарушив молчание, внезапно предложила она.

Полынин хмуро посмотрел на Сару, потом, оценив ее выдержку, усмехнулся и ответил:

– Миссис Клеймон, я жду объяснений.

Она кивнула, открыв сумочку. Пока она копалась в ее содержимом, Полынин осмотрел бутылки и открыл легкое эреснийское вино, получаемое из плодов того же растения, чьими высушенными листьями торговали на улице из-под полы. Не в пример скверной траве, вино из эреснийской скалиозы, как правило, выходило отменным.

Сара Клеймон извлекла на свет маленький карманный компьютер. Игрушка была дорогой и мощной, но, в отличие от ноутбука, ее можно было запросто упрятать в карман пальто.

Пока он разливал вино, Сара отсоединила от корпуса наперсток, на конце которого тлела крохотная искра инфракрасного излучателя и пробежала световым стилем по виртуальным значкам на крохотном цветном дисплее.

– Посмотрите, Антон. – Она протянула ему активированный мини-компьютер, обменяв его на бокал. Откинувшись на спинку кресла, Сара застыла в напряженном ожидании.

Антон посмотрел на миниатюризированное изображение.

Казалось, что в черноте космического пространства сплел асимметричную паутину какой-то монстр. Полынин достаточно много работал с подобными трехмерными схемами, чтобы быстро сориентироваться в изображении и понять, что пульсирующие линии брали свое начало в печально известной системе Ганио и тянулись через мрак освоенного участка Вселенной к различным маркерам. Основная часть «креплений» этой паутины являлась точками расположения миров Окраины – недавно образованных колоний, которые породила третья волна экспансии человечества в глубь космоса.

Линии не затрагивали такие старые миры, как Элио, Рори, Стеллар, Дабог, Кассия, Эригон или Кьюиг, – они тянулись мимо, игнорируя устоявшиеся очаги человеческой цивилизации, и впивались в гораздо более отдаленные, менее развитые планеты, отнесенные ветром колонизации в сторону от освоенных скоплений Центра. Разглядывая схему, Антон сразу же обратил внимание на тот факт, что несколько наиболее любопытных линий вообще уходят «в никуда», обрываясь в черноте на срезе экрана.

Сара Клеймон, заметив, что он машинально кивнул, оценив предложенное изображение, пригубила вино и спросила:

– Что вы думаете по этому поводу, Антон?

Полынин пожал плечами. Ему была по-прежнему непонятна тема разговора. Ощущение, что его пытаются использовать «вслепую», не покидало Антона, и потому он ответил так же уклончиво:

– Думаю, что эта схема описывает некую часть преступных связей кланов планеты Ганио, – произнес он, исподлобья взглянув на Сару Клеймон, и добавил: – Нечто подобное можно скачать с открытых серверов Совета Безопасности Миров, полагаю?

Она отрицательно покачала головой.

– Нет. Сеть Интерстар, конечно, обширный и любопытный источник информации, но уровень ее достоверности внушает серьезные сомнения. Эта схема не оттуда. Она составлялась вручную, на протяжении многих лет.

Полынин откинулся на спинку кресла.

– И что с того? Какое я имею отношение к ганианцам и их законному или незаконному бизнесу? Я работаю в совершенно иной области и...

– А как вы относитесь к этой нации? – нетактично прервала его Сара.

– Я должен отвечать? – Взгляд Антона начал темнеть. В конце концов он и так сделал слишком много... Что-то не вязался в его голове образ пожилой развязной леди с тем дрожащим голосом, что звучал полтора часа назад в трубке коммуникатора. Испуганная особа слишком быстро превратилась в спокойную, уверенную в себе старуху, цинично плюющую на некоторые условности цивилизованного общения.

– Антон... – Ее голос неожиданно приобрел мягкий тембр. – Потерпите еще пару минут, и я объясню, с какой стати вы должны сидеть в отдельном номере дорогого борделя и отвечать на мои вопросы. Я обещаю.

Ее слова опять подействовали на Полынина самым неожиданным образом. Недосказанная, но безжалостная самокритика, прозвучавшая за ними, заставила его понять – эта женщина на самом деле преследует определенную и очень важную для себя цель, понимая, что у Полынина нет никакой заинтересованности в беседе. Из этого вытекал один любопытный вывод: Антону стало ясно, что Сара Клеймон знает о нем гораздо больше, чем он думает, и в ее рукаве, несомненно, припрятан весомый аргумент, объясняющий их встречу...

– Хорошо... Я выскажу свое мнение... – Он допил содержимое бокала и поставил его на стол. – Ганианцы – нация преступников. Они не стремятся поднять уровень своей цивилизации, а продолжают существовать на уровне Средневековья, пользуясь при этом теми благами и возможностями, что так щедро и необдуманно предоставляло им сообщество миров во время правления прошлой Конфедерации. – Антон протянул руку, взял бутылку и вновь наполнил бокалы. – Ганианский космопорт, возведенный на планете в рамках гуманитарной программы Централных Миров, очень быстро превратился в центр преступной торговли. – Полынин указал на мини-компьютер. – Нити их преступных интересов, как вы сами мне показали, тянутся к промышленным мирам Окраины, которыми правят стремительно растущие промышленные корпорации.

Сара, внимательно слушавшая Антона, кивнула.

– Этого достаточно. Мне хотелось убедиться, что наши мнения совпадают. Извини, что пришлось разыграть эту маленькую комедию, но с Антоном Полыниным трудно встретиться просто так, без рекомендаций, верно?

Внезапный переход на «ты» лишь еще более насторожил Антона.

Полынин мог бы резко ответить ей, встать и уйти. Он действительно уважал себя, потому что в жизни ему приходилось добиваться любой мелочи потом и кровью, в прямом, а не в переносном смысле этого слова. К ганианцам у него были свои, давние счеты, но время сводить их еще не пришло, а быть может, наоборот – ушло безвозвратно: старые раны болели, но не настолько сильно, чтобы поставить точку в собственной судьбе и нырнуть в пучину кровной мести, откуда попросту нет возврата...

– Спрашиваешь сам себя, по какому праву эта старая сука пытается беречь мои отблевшие раны?

Он вскинул взгляд на Сару Клеймон, и тепла в нем не было вовсе – только жуткий, продирающий до костей мороз внезапно всплывших из тайников памяти воспоминаний.

Она выдержала этот взгляд, горько улыбнулась, достала из сумочки голографический снимок и аккуратно, словно святыню, положила его на стол перед Полыниным.

Антон молча взял его, взглянул на смазанное нечеткое изображение, снятое, как он помнил, с видеосенсоров подбитого «Хоплита», и сердце гулко стукнуло в грудь, отдавая болью в виски.

На снимке была запечатлена выщербленная осколками бетонная стена диспетчерской башни космопорта, на фоне которой стояли они – двадцатилетний Антон Польшин и Паша Сытников, по кличке Морок.

Паша, которого он дотащил до чудом приземлившегося эвакуационного модуля, а сам ушел назад, в бой, навстречу неизбежной, как казалось тогда, смерти...

– Кто вам дал этот снимок?.. – хрипло спросил он, страшась поднять взгляд. Он понимал: женщина, в чьих руках оказалась эта карточка, имеет прямое отношение к Паше, живому или мертвому, потому что Морок увез фотографию с собой... Присмотревшись, Антон с дрожью заметил темные следы крови. Это был отпечаток его собственных пальцев, который не сумело стереть время. Кровь от ссадин и порезов впиталась в верхние слои полимерного носителя, когда он второпях сунул снимок Паше.

Носилки с раненым уже исчезали в чреве эвакуационного модуля, и Антон крикнул тогда вслед:

– Паша, ты не умрешь! Мы еще встретимся, обещаю! Я найду тебя!!!

Погрузочная рампа начала закрываться, дико взревела, поднимая клубы оранжевой пыли, стартовые двигатели эвакуатора...

Больше Антон ничего не знал о судьбе Павла. По одним данным, модуль был сбит, по другим – все же дотянул до причальных палуб «Апостола Петра» – тяжелого крейсера Конфедерации Солнц, который довершил операцию на Хаборе, подобрав сутки спустя последних выживших, в числе которых оказался и сам Польшин...

...Отрешившись от рвущих душу воспоминаний, Антон заставил себя поднять голову, посмотреть на Сару Клеймон и повторить вопрос:

– Кто вам дал этот снимок?

– Ты узнал Павла? – вопросом на вопрос ответила она.

– Да! – уже не в силах владеть эмоциями, подавшись вперед, выкрикнул Антон.

– Я его мать.

Польшина словно окатило ледяной водой.

Он подался назад, запрокинув голову на спинку кресла, и трудно было сказать, что он сделает в следующий миг – разрыдается или рассмеется... Об этом ведало лишь его изуродованное на Хаборе сознание да контуженные нейроны серого вещества хрупкого человеческого мозга...

* * *

...С Пашей Сытниковым Антона связывало несколько часов дружбы.

Ни до этого, ни после они не встречались, но существуют обстоятельства, которые способны сблизить людей раз и навсегда, сделать их кровными братьями за ничтожно короткий отрезок времени.

В учебниках новейшей истории факту окончательного распада Конфедерации Солнц отдано несколько страниц убогистого текста.

Среди них есть короткий абзац:

«12 мая 3790 года по унифицированному галактическому календарю на сервер Совета Безопасности Миров поступил сигнал бедствия с базы гуманитарной миссии СБМ планеты Хабор. В сообщении говорилось, что силы ганианских наемников, численностью до трех тысяч человек, атаковали планету, захватив строящийся космопорт, базу ограниченного воинского контингента СБМ, а также склады продовольствия и устаревшего стрелкового вооружения, предназначенные для снабжения организованных на планете поселений расы инсектов, перемещенных на Хабор с планеты Деметра...»

Позже, уже после краха Конфедерации Солнц, когда были подняты и опубликованы архивы, стало ясно, что операция ганианцев планировалась очень тщательно, и малый крейсер Совета Безопасности Миров «Светоч», посланный в систему Хабора для наведения порядка, попал в заранее расставленную ловушку.

...

Бывали в жизни Польшина моменты, когда память вдруг становилась неуправляемой – на протяжении всех десяти лет после выписки из госпиталя продолжали сказываться пять контузий, которые получил Антон в течение одних суток на проклятом Хаборе...

Вот и сейчас...

Польшин смотрел на сидящую напротив Сару Клеймон, а в голове уже рванула ноющая боль непрошенных воспоминаний...

Глава 3.

Планета Хабор, десять лет назад...

...Он был самым младшим из взвода, самым зеленым, неопытным, не имевшим за плечами ни одной боевой высадки, только учебно-тренировочные.

– Взвод, строиться!

Просторный отсек предстартового накопителя был разбит на пять секторов, по количеству стартовых электромагнитных катапульти крейсера.

Пространство перед массивным вакуумным затвором представляло собой прямоугольную площадку, размеченную флюоресцирующими линиями, с указующими стрелами на конце.

Они изгибались в разных направлениях: «К отсеку загрузки», «К внутренним палубам», «К ангарам серв-машин».

Взвод строился у черты, от которой к вакуумному замку стартовой катапульти убегала цепочка тревожных красных огней. Над закрытым люком шлюзовой камеры моргали надписи:

«Десантно-штурмовой модуль номер два. Статус: Подготовка к отстрелу. Внимание, декомпрессия! Вход только по сигналу готовности».

Штатный состав десантного взвода: три отделения по десять человек. Антон стоял четвертым во второй шеренге. Экипировка, подогнанная по фигуре, не стесняла движений, защитная броня из металлокевлара шуршала при каждом движении, преданно прижимаясь к телу, словно обещала, нашептывала: Не бойся, я с тобой, я тебя заслону, закрою...

Шлем соединялся с остальной экипировкой двумя жгутами высокопрочного оптического волокна. Гофрированный шланг из бронепластика закрывал их, выходя из затылка, изгибаясь над плечом и вливаясь в грудной сектор между двух ромбовидных бронепластин.

Антон напряженно ждал следующей команды, но вместо окрика взводного раздался протяжный гул, после чего корпус крейсера часто и тяжело завибрировал – это заработали стартовые катапульти правого борта, отстреливая тяжелые посадочные модули с серв-машинами и бронепехотой.

На борту одного из спускаемых аппаратов навстречу облачной атмосфере Хабора летел в эти секунды Паша Сытников – старшина бронепехотного взвода.

Черед космического десанта, в состав которого входил Антон, наступит позже, через три часа, когда крейсер, удалявшийся от планеты по параболической траектории, вернется назад, чтобы сбросить на зачищенную машинами территорию мобильные группы, призванные довершить учиненный серв-машинами разгром и удерживать космопорт до подхода космических кораблей Совета Безопасности Миров.

Корпус крейсера в последний раз содрогнулся, тревожные огни на время погасли.

Антон машинально оближал пересохшие губы.

Еще два с половиной часа им томиться тут, в предстартовом накопителе, занимаясь бесконечной перепроверкой и подгонкой снаряжения, а затем вниз, навстречу своему первому боевому заданию...

...

– Ты знал Пашу до высадки?

– Нет... – пытаюсь отрешиться от воспоминаний, ответил Антон. – Я прибыл на борт «Светоча» за несколько дней до десанта на Хабор и не успел толком познакомиться ни с кем, кроме собственного взводного.

– А как ты встретился с Пашей?

Антон машинально сжал мягкий подлокотник удобного кресла. Его пальцы побелели, но Польшин не заметил этого – крышу «сорвало», все сильнее сказывалась усталость после воз-

вращения из гиперсферного поиска, а провокационные вопросы Сары Клеймон только ускорили назревающий срыв...

...

Он падал... Падал вместе с кораблем, вцепившись побелевшими пальцами в жесткие ручки противоперегрузочного кресла, ощущая каждой клеткой напряженного тела, как вибрирует обшивка, как надсадно работают тормозные двигатели, как черными хлопьями отлетает окалина с брони челнока...

...Десантно-штурмовые модули появились у горизонта в виде растянувшейся цепочки низко летящих объектов. Их пилотам помогали ориентироваться выброшенные при посадке серв-батальонов маяки наводящих посадочных лучей, поэтому мутно-желтое молоко утренних испарений являлось скорее испытанием для психики пилотов, чем серьезной помехой для навигации и посадки.

Внизу, сколько ни вглядывайся, не различишь ничего, только макушка пирамидального здания космического порта чуть возвышалась над зыбким морем утренних испарений. Ни габаритных, ни опознавательных огней на ней не наблюдалось – просто ничем не обозначенный, глянцево-черный фрагмент конструкции, парящий над густыми пластами тумана, укрывшего собой промерзшую за ночь пустынную местность.

...В десантном отсеке модуля было в этот момент тепло, но Антона все равно била дрожь.

Холод тут ни при чем – системы боевой экипировки исправно согревали тело, но мышцы все равно «колбасило»...

Боятся нечего... – попытался урезонить он свои нервы.

Если верить наставлениям по боевой подготовке, то в своих мыслях рядовой Полюнин был прав. Впереди уже прошли серв-машины и бронепехота, дорога к цели должна быть протюжена тяжелой техникой, а им предстоит всего лишь зачистить само здание порта и закрепиться в нем, охраняя комплекс до прибытия подразделений постоянной дислокации...

...Прервав его мысли, резко и неприятно взвыл предупреждающий сигнал, справа и слева начали вставать товарищи, поправляя экипировку. Бойцы выстраивались в узком проходе напротив плотно закрытой десантной ramпы.

– Быстрее! Шевелитесь! – раздался по связи окрик сержанта. – Всем проверить питание экипировки, командирам отделений доложить!

Антон опустил пластиковое забрало шлема, закрывающее верхнюю часть лица. Эта изогнутая пластина представляла собой компьютерный визор со встроенным вариатором целей. На фоне прозрачного материала тут же зажглись крохотные искры индикации боевых систем. В правом верхнем углу отражалось состояние его оружия. Штурмовой импульсный автомат «ИМ-21-штурм» был связан с экипировкой бойца каналом устойчивой обратной связи. Сигнал от микропроцессора оружия, излучаемый инфракрасным передатчиком, вмонтированным в приклад, невозможно было заглушить локальными помехами, но радиус действия такой устойчивой взаимосвязи составлял всего три метра. Стоило бойцу потерять оружие, как данный контакт двух компьютерных систем обрывался...

Антон пробежал взглядом по сигналам индикации, оценивая их. Все было в порядке, экипировка работала как часы.

Модуль ощутимо трянуло, и тут же появилось резкое ощущение мгновенного зависания внутренностей – они уже не снижались, а падали – это обстоятельство вестибулярный аппарат определил безошибочно, но испугаться по-настоящему Антон не успел...

Удар, жесткий, дробящий слух отвратительным скрежетом, перетряхнувший все косточки короткой вибрацией напряженного металла, пришел внезапно и возымел ошеломляющее действие.

Что-то пошло не так...

Не так...

Следующий удар оказался гораздо более сокрушительным – это модуль, поврежденный выпущенной с земли ракетой, врезался в поверхность Хабора.

В десантном отсеке на мгновение погас свет, с жалобным звоном посыпались осколки какого-то прибора, но не успела рассеяться муть в глазах, возникшая от жесткого динамического удара, как по связи хлестнула команда:

– Вперед!

Зев десантной рампы начал открываться, откидываясь наружу, внутрь отсека ворвался хмурый рассвет, по краям проема взвихрился сдуваемый избыточным давлением грязно-желтый туман.

Антон успел сделать всего лишь два шага по узкому проходу десантного отсека, как вдруг ощутил новую ритмичную вибрацию корпуса – это заработали башенные орудия модуля.

Жуть накатила именно в этот миг. Он машинально двигался вперед, увлекаемый общим порывом, а глаза, игнорируя появившиеся на прозрачном компьютерном планшете данные, смотрели туда, в туман, который глотал снаряды автоматических орудий словно бездонная, ненасытная прорва... И вдруг стена мутных испарений, разорванная в месте посадки модуля небольшим просветом, начала вспучиваться, такими же ритмичными толчками подаваясь назад, к упавшему кораблю, – это снаряды рвались метрах в трехстах отсюда, кромсая землю и невидимую цель...

Секунды, летевшие бешеными, отдающими в виски ударами пульса, вдруг начали растягиваться в субъективную вечность – это сработал боевой корректор систем жизнеобеспечения, впрыскивая в кровь препарат, стимулирующий скорость нейронных реакций.

Пока ноги преодолевали три метра накренившейся ребристой палубы, разум успел оценить появившиеся на визоре шлема смутные, неразличимые в деталях тепловые контуры: они походили на пятна овальной формы, резво перемещающиеся по ровной, уныло-салатной поверхности фонового тепла. Боевой сопроцессор автоматически отсеивал тепловую засветку от разрывов, которые, судя по плотности огня, буквально перепахивали мерзлый песок в полукилометре от упавшего модуля.

Там же глубокий тыл серв-соединений!.. – Мысль прошла вскользь, рассуждать, детально разбираясь в ежесекундно меняющейся обстановке, было некогда, да и незачем – на это есть командиры, в конце концов.

За коротким откидным пандусом располагался не тыл серв-соединений – там начинался ад, но понимание этого еще не пришло, до прозрения оставалось несколько секунд, растянутых в субъективной вечности, порожденной действием впрыснутого в кровь боевого стимулятора...

Он выскочил на скользкий от мгновенно образовавшегося конденсата пандус и тут же метнулся в сторону. Его штатная позиция находилась в сорока метрах правее корабля высадки: на визоре гермошлема призывно пульсировал маркер, а мигающий указатель подсказывал бойцу, в какую сторону следует бежать...

Антон побежал. Вокруг бесновалось оранжево-черное, прогорклое кружево: молочно-желтый туман рвало вспышками, свивало в фантастические, эфемерные кольца, кто-то кричал, но не по связи, а в реальности, звонкими, оглушительными очередями по четыре такта отхаркивались башенные орудия модуля, мимо, медленно переворачиваясь в густом воздухе, пролетел тускло-желтый лоток отстрелянного боекомплекта и канул в тумане...

Что-то пошло не так... – эта мысль засела в рассудке, как назойливый мотив...

Маркеры совместились. Он упал, откатился за отлогий песчаный холмик, успев заметить, как ломается хрупкая корка ночного песчаного наста – тонкий слой пропитавшегося росой песка успело подморозить минувшей ночью, – и тут же, в отсутствие желанных команд, его сознание заполнила картина, выдаваемая целевым монитором: сторбленные фигурки, смутно очерченные термальной оптикой, перемещались под покровом молочно-желтой пелены, дви-

гаясь навстречу сбито, но сумевшему совершить аварийную посадку модулю. Вот одна из фигур остановилась, и вариатор целей тут же показал дистанцию – девяносто четыре метра. Антон машинально закусил пластиковый мундштук дыхательного аппарата. Он нервничал, командная частота почему-то молчала, а тепловой контур на визоре его боевого шлема внезапно начал пульсировать – на фоне ярко-салатной сторбившейся фигуры четко выделилась моргающая, жалящая точка. Человек стрелял.

Антон скосил глаза.

Фигурки десантников, смутно различимые с такой дистанции, выскакивали из рампы и падали... не отбегали, не занимали позиций, а просто падали, подкошенные убийственным, кинжальным огнем, резавшим их в упор.

Бортовые орудия модуля продолжали изрыгать злое, частое, вибрирующее стаккато, но бешеный огонь не приносил успеха: десантный корабль сел в нештатном режиме, задние опоры ушли глубоко в песок, нос вообще лежал в яме, и задранная к небу корма не позволяла орудиям борта опуститься на нужный угол, визжа приводами, они силились сделать это, но не выходило – смятые в гофру гнезда имели свой предел, свои ограничители...

Все это пронеслось перед взглядом Антона за несколько секунд объективного времени.

Он уперся локтями в податливый, коварно осыпавшийся песок; рамка целевого монитора тут же поймала очерченные термальной оптикой фигурки, а в душе все был червячок сомнения: может быть, ошибка, нестыковка, может, это наши?.. Там ведь должны быть наши... Пятый серв-батальон, два взвода бронепехоты...

Автомат в руках задрожал, выплевывая очередь. Группа салатных маркеров тут же распалась – один лег и больше уже не шевелился, трое других мгновенно метнулись в стороны, двигаясь странно, на четырех конечностях, словно крабы.

На пределе восприятия тепловой оптики показались новые сигналы, их было много, они двигались отдельными группами по два-три термальных всплеска, покрывая всю апертуру сканирующего луча, представляющую собой конус с исходной точкой на шлеме бойца, расширяющийся до трехсот метров на пределе восприятия.

Антон машинально перекатился, сменив позицию.

Он не видел своих. Статичный сигнал от десантного модуля, под которым алел индикатор отслеженных повреждений, выдавал лаконичный статус: «Ведение огня» – вот, пожалуй, и все, что могла сообщить ему компьютерная оптика.

Он лихорадочно переключил режим боевой системы. Каждый боец посредством телеметрических каналов связан со своим командиром и шестью товарищами, входящими в состав отделения. В случае необходимости можно переключать их данные на свой визор, определять позицию на моделированной карте с точностью до сантиметра, взаимодействовать огнем – все это было круто, правильно, очень технологично... на учениях.

Он переключился на монитор сержанта Дорина.

Картинка, вспыхнувшая в отдельном окошке визора, повергла его в секундный шок.

Густые потеки темно-вишневого цвета закрывали половину поля зрения передающей камеры.

Кровь... – стыл原因 ужасом пришла догадка, и тут же в информационной строке вспыхнула подтверждающая надпись.

Статус: Мертв.

Оставшуюся незалитой кровью часть объектива внезапно заполнил какой-то объект; Антон не сразу понял, что это высокий шнурованный ботинок с облезлым округлым носом.

Он разросся до размеров вселенной, и передающая камера погасла.

Антон сжался – сработал эффект присутствия, и ему на долю секунды пригрезилось, что тупой, облупленный нос ботинка припечатал его собственный глаз.

В голове помутилось – система жизнеобеспечения не сумела в полной мере совладать с внезапным выбросом адреналина в кровь бойца.

Он растерялся. В ушах стоял протяжный изматывающий шум, время двигалось рывками, то необъяснимо замедляясь, то вновь срываясь бешеным ритмом секунд, пальцы впились в автомат, дрожащие от напряжения губы вытянулись в бледную обескровленную линию.

Боевой сопроцессор сам перебирал варианты, выдавая лишь окончательный результат попыток связи с бойцами – сначала отделения, а потом и всего взвода.

Статус: Мертв... Мертв... Мертв...

Второе отделение... Позывной командира... Не отвечает... Взводный мертв... – страшное по своему смыслу слово вбивалось в разум, низводя его до состояния шока.

Орудия модуля, бившие до этого момента непрерывно, внезапно захлебнулись, смолкли.

Если верить таймеру, то прошла всего минута двадцать семь секунд с того момента, как десантно-штурмовой модуль пробил гребень мерзлой песчаной дюны...

Так не бывает... – Мысль пришла тоскливая, кричащая, – ведь так НЕ БЫВАЕТ!!!

Он рывком привстал, озираясь, от чего тени в окошке теплового видения смазались, сливаясь в головокружительную карусель.

Взвод, при самых хреновых раскладах, рассчитан на сорок минут высокотехнологичного боя, а их расстреляли в упор, прямо в рампе...

Страх навалился вместе с осознанием случившегося, ударил по нервам гулкой, звенящей волной, низринувшей разум в пропасть растерянности, прокатился, словно асфальтовый каток, оставляя лишь раздавленные, агонизирующие обрывки мыслей, а танец теней на целевом мониторе становился все более невыносимым, близким и... Антон закричал, ломая правила, на той частоте, которую автоматически выбрал передатчик:

– Ребята, где вы?!!

В ответ звонко взвизгнула пуля, Антон ощутил оглушительный удар в районе правого виска, рот мгновенно наполнился горячей, солоноватой кровью, визор шлема судорожно моргнул и погас.

Он машинально начал отползать назад, и вовремя – то место, где в сыром песке остался отпечаток его тела, вдруг вздыбилось полуметровыми фонтанчиками. Очередь из крупнокалиберного импульсного пулемета перепыхала гребень наносной песчаной возвышенности.

Антон вырубил оглушивший его выстрел.

Страх, который безраздельно завладел им несколько мгновений назад, вдруг потонул в адреналине – пуля, которая срезала с его шлема антенны ближней связи, повредила и систему допинг-контроля.

Мышцы напряглись, по телу пробежала дрожь перевозбуждения, похожая на конвульсию, к помутившемуся секунду назад зрению внезапно вернулась резкость, из разума вымело засевшие там обрывки переживаний – с ним произошло перерождение, длительностью всего в доли секунды... оно было страшным, звериным, ненормальным, неведомым доселе. Системы жизнеобеспечения, поддерживающие десантника в бою, обычно сглаживают пиковые выбросы метаболических стимуляторов, но теперь этот ангел-хранитель заткнулся – биоинтерфейс, разорванный пулей, болтался лохмотьями, из его трубок сочились капли прозрачного как слеза раствора, а Польшин, отползая назад, вдруг в полной мере вкусил заложенную в него природой ритмику смертельного стресса...

Таймер начал отсчет четвертой минуты боя.

Адреналиновая дрожь в мышцах, вкус крови во рту, погасший визор шлема, судорожно мигающая надпись: «Сбой...», ключья тумана, плывущие мимо, кисловатый запах взрывчатки, дошедший, наконец, до обоняния, и возглас: «Ванг Шиист!», раздавшийся совсем рядом в желтовато-белой, молочной мгле, – все это объединялось в дикий фрагмент реальности, переварить который не был способен разум бойца, осознавшего, что больше нет двадцати молодых

ребят, которые минуту назад стояли с тобой бок о бок в тесном проходе десантного модуля, перед открывающимся зевом рампы, прежде чем шагнуть навстречу смерти...

Сквозь туман продавился контур человека.

Он не видел Антона, но Польшин различил его – чужого, одетого не по национальной традиции Ганио, – на незнакомце был утепленный тренировочный костюм, поверх которого болталась незастегнутая десантная разгрузка, вся в свежих пятнах крови, в руках – «Шторм-21», за спиной «ИМ-12», на голове – шлем НСС¹ с разлохмаченными обрывками оптического волокна – жуткий коктейль, с трудом воспринимающийся рассудком.

Антон понял: если он сейчас не выстрелит, то этот человек увидит его и убьет.

Как нереален, далек от этого мгновения был тот техногенный бой, вести который его обучали на тренировках.

Впереди десантных групп, перемалывая живую силу и технику противника, всегда шли серв-машины, один вес которых, варьирующийся от тридцати пяти до шестидесяти тонн, внушал мысль о том, что среди оставшихся руин могут прятаться лишь разрозненные, чудом уцелевшие и полностью деморализованные, трясущиеся от страха и желания жить единичные солдаты противника.

Сканеры боевой электроники превращали людей в зеленоватые контуры, бой – в шахматную партию, смерть – в близкую статистику гаснущих маркеров.

Ганианец услышал шум и остановился.

Антон видел его слишком четко, чтобы не заметить, как зловещая улыбка начала раздвигать тонкую линию его губ, обнажая желтоватые зубы.

Бум... Бум... Бум... – билось сердце, отдаваясь в висках глухим звоном.

Бежать?

КУДА?!

Статус: Мертв... Мертв... Мертв... – кричали мини-экраны.

До его сознания, наконец, дошло: ребята действительно мертвы... они лежат, раскинув руки, застыв в нелепых позах на мерзлом песке вокруг изрешеченного зева откинутой рампы, а их обмякшие тела сейчас переворачивают пинками, срывают экипировку, враги примеряют на себя скользкие от крови бронезилеты, и через секунду то же самое произойдет с ним самим...

...Ганианец начал поворачиваться – очень медленно, как в цифровом видео, воспроизведенном на слабых процессорных мощностях, – мир вокруг превратился в страшное слайд-шоу, в центре которого внезапно оказался он, Антон Польшин, двадцатилетний парень, призванный в военно-космические силы Совета Безопасности Миров полтора года назад.

Учеба, виртуальные тренировки, какие-то мифические поединки на внутреннем плацу крейсера – все умерло, сдохло в этот миг. Реальность схлопнулась до узости поля зрения, они остались вдвоем – он и этот ганианец, одетый в тренировочный костюм, поверх которого была небрежно нацеплена окровавленная разгрузка с торчащими из клапанов глянцевыми торцами снаряженных магазинов для «Шторма»...

Снять мутно-зеленый маркер было просто.

Убить человека – задача иного сорта.

Развязку этих секунд решил голос. Ганианец заметил оцепеневшую фигуру десантника, ствол импульсного оружия пошел вверх, и одновременно с этим он заорал, выдавая свой собственный страх:

– Аланг Шиист, марг гехуден!!! (Всемогущий Шиист, это неверный! (Ганианск.)

---

¹ НСС – Нейросенсорное соединение. Шлем НСС – одна из основных составляющих экипировки пилотов боевых шагающих серв-машин – служит для прямого контакта нейронов головного мозга человека с кибернетической системой управления машины.

Антон тоже закричал, что-то злое, нечленораздельное. Его палец сжал сенсорную гашетку, и автомат затрясло мелкой, вибрирующей дрожью, сжирающей боекомплект; тело ганианца вдруг задергалось, словно сквозь него пустили ток, пули рвали ткань тренировочного костюма, с глухим, тошнотворным звуком выбивая из нее красные брызги плоти...

Через две или три секунды уже мертвое, изрешеченное пулями тело мешком осело на забрызганный кровью песок. Один глаз ганианца стремительно стекленел, второй, выбитый пулей, превратился в дыру, из которой пульсирующими толчками била темная, густая кровь...

Антон скрутил тошнотный спазм.

Он уже ничего не соображал, мироздание перевернулось кверху дном. Не осталось ничего, кроме собственных чувств, спазмов, выворачивающих нутро, кроме застрявшего в сознании хрустящего звука пробиваемой выстрелами плоти, превратившегося в дыру глаза, который будет теперь преследовать его на протяжении всей оставшейся жизни – длинной или короткой, – об этом Польшин сейчас просто не мог думать.

Ноги сами понесли его прочь, куда угодно, лишь бы дальше от этого страшного места первого в жизни убийства...

Пока он бежал, увязая в песке, падая, вскакивая вновь, сквозь мутную мешанину мечущихся в голове мыслей вдруг пришло воспоминание о первом зеленоватом контуре, что мягко повалился на целевом мониторе от его первой очереди, но разум тут же отринул всякие аналогии – не было между маркером и живым человеком никакой связи. Сознание обманывало само себя... или их учили обманывать свое собственное сознание?

Из туманной мглы внезапно выплыл черный, закопченный контур исполинской конструкции, которую окружали менее крупные, хорошо узнаваемые фигуры.

Антон остановился.

Перед ним возвышалась повалившаяся набок серв-машина. Это был тридцатипятитонный «Хоплит» усиленного штурмового образца, шагающий боевой сервомеханизм с обтекаемым яйцеобразным корпусом, укрепленным на поворотной платформе. Один ступоход машины был согнут в шарнирном сочленении механического сустава, второй, оторванный от поворотной платформы, лежал метрах в пяти от повалившейся набок машины, бронированный обзорный триплекс рубки управления вырван чудовищным взрывом изнутри...

Боевой серв-машине не может противостоять никто, кроме робота подобного класса, – эту аксиому Антон усвоил еще в начале службы и верил ей. Он видел шагающих исполинов в деле, правда, на полигонах безжизненных планет, но и этих впечатлений хватило, чтобы понять: там, где наступают сотни тонн сервоприводного металла, человеку не место.

Разум отказывался адекватно оценивать картину, которую видели глаза. Антон присел, тяжело дыша и затравленно озираясь. Из-под подшлемника струился пот, он отер его тыльной стороной ладони и огляделся, чувствуя, что если не отдышится, то вряд ли сможет двигаться дальше.

Взгляд по сторонам не принес облегчения. Он ничего не понимал, его мускулы дрожали, во рту солоноватый вкус крови перешел в стойкую горечь, сердце бешено молотило в груди... Откуда у ганианцев шагающие машины? Что это значит? Серв-батальоны разбиты? Куда подевались две первые десантные волны, состоявшие из тяжелых шагающих машин и бронепехоты?

Ответ на свой последний вопрос он нашел в десятке метров от поверженного «Хоплита».

Что делать? Куда идти?.. С кем держать связь, как действовать? – вот вопросы, которые занимали разум Польшина. Он привстал, опасаясь внезапного появления ганианцев. Ствол импульсного автомата лег на оторванную конечность титанической боевой машины. Дрожь и дурнота немного отпустили, дыхание выровнялось, оставив лишь резь в груди после бега по песку в полной боевой экипировке.

Внезапно он понял, что вокруг стоит звонкая, ненатуральная тишина.

Антон втянул носом стылый утренний воздух. От ступохода пахло маслом и еще чем-то специфичным. Посмотрев себе под ноги, Польшин увидел ядовито-зеленую лужу, от которой истекал пар, но в воздухе явно присутствовали еще какие-то тревожащие обоняние флюиды.

Озираясь, он заметил смутную фигуру, застывшую метрах в десяти от поверженного наземь «Хоплита». Издалека, сквозь дымку постепенно рассеивающегося тумана это походило на увеличенную копию человека. Бронепехота?

Антон привычно коснулся сенсора связи, но ничего не услышал, лишь легкий шорох помехи отозвался на его частоте. Антенны... Антенны сорваны, – досадливо вспомнил он, делая шаг вперед... Фигура не шевелилась. Песок вокруг был основательно перепахан ступоходами «Хоплита», но эти следы уже начали сглаживаться... лишь ребристые обойменные лотки отстрелянного боекомплекта автоматической пушки торчали среди рытвин, тускло поблескивая своими ребристыми гранями.

Фигура впереди действительно оказалась бронескафандром. Антон осторожно приблизился, его сердце вновь застучало глухо и неровно – за первым бронированным остовом показался второй, третий... Что же они так, бросили свои надежные бронированные доспехи? Он остановился у первой оболочки, утонувшей в песке по коленное соединение механических псевдомускулов. Автоматическое оружие, закрепленное на плечевой самостабилизирующейся подвеске, выглядело усталым, отработавшим свое. Механизм перезарядки наполовину открыт, тридцатимиллиметровый ствол покрыт копотью, цвета побежалости на одноразовом индикаторе показывают предельный нагрев в тот момент, когда оружие смолкло. Ствол надо было менять...

По форме бронескафандр копировал человеческую фигуру, но был гораздо больших размеров, чем обычная экипировка, предназначенная для выхода в космос. Эта оболочка достигала от двух с половиной до трех метров в высоту, в зависимости от конструкции, и предназначалась для ведения боевых действий вне космического корабля. Цикл жизнеобеспечения замкнутый, с автономным двадцатидневным ресурсом, под слоем внешней брони спрятаны приводы механических мускулов, вооружение – одно тридцатимиллиметровое оружие с питанием обойменного типа, рассчитанное на пятьсот выстрелов, два встроенных импульсных пулемета и один ОРК – орудийно-ракетный комплекс для борьбы с планетарными машинами.

Антон обошел оболочку справа. ОРК был оторван и валялся поодаль. Признаков жизни скафандр не подавал, броня была испещрена выщербинами, а на грудной пластине чернело опаленное пятно с тонкими лучами копоти по краям и округлой дырой посередине, в которую мог пролезть палец.

Обычно, когда боец покидает отработавшую свой ресурс оболочку, та, выпустив человека через сегменты задней части, заकुкливается вновь, принимая вид статичной груды омертвевшего металла.

Антон посмотрел на пятно с дырой посередине и, ухватившись за выступ бронепластин, заглянул внутрь шлема.

Лучше бы этого не делать.

Горло стиснул спазм, но он уже не мог оторвать заледеневший взгляд от обугленных останков человека, различимых сквозь мутноватый слой термостойкого бронепластика...

Никто не бросал бронескафандры – бойцы заживо сгорели внутри своих керамлитовых доспехов...

Польшин отпустил руки, оседая назад, на песок, и его тут же начало рвать, выворачивая желчью пустой желудок...

* * *

Космопорт планеты Хабор располагался в пустынной котловине, диаметром в двести с лишним километров. Выемка, образовавшаяся в результате падения крупного астероидного тела, идеально подходила для строительства космического порта.

Колониальная политика Центральных Миров осуществлялась по одной и той же проверенной веками схеме: когда картографический корабль Совета Безопасности обнаруживал ту или иную пригодную для человеческого метаболизма планету, она не заселялась немедленно. Сначала планету исследовали на наличие разумных и предразумных жизненных форм, далее, если таковых не обнаруживалось, начиналось строительство космопорта и зачатков транспортной инфраструктуры, закладывались первичные поселения, обычно плотно окружающие космический порт, и лишь затем планета выставлялась на конкурсные торги.

Обычно новоиспеченную колонию получал тот из миров Конфедерации, чье население приближалось к критически опасному уровню. По прошествии тысячелетия со времен Первого Рывка, Центральные Миры так же остро начинали страдать от проблемы перенаселения, как Земля накануне Первой Галактической войны. История повторялась, но теперь колониальная политика велась продуманно и планомерно, что исключало конфликты и обеспечивало стабильный отток населения со «старых» миров.

Отстроенный космопорт, готовый к поддержанию эффективной межзвездной торговли, позволял новоиспеченной колонии динамично развиваться, оставаясь в тесной связи с остальной цивилизацией. Такая схема, основанная на долгосрочных капиталовложениях со стороны Центральных Миров Конфедерации, исключала деградацию нового поселения и одновременно обеспечивала метрополиям постоянный приток ресурсов с периферии, встав на ноги, колония постепенно превращалась в сырьевого донора.

Эта схема успешно работала на протяжении нескольких веков. Человечество расширяло сферу своей экспансии, на периферии крепили молодые индустриальные миры, открывались новые планеты... так продолжалось до той поры, пока десятки колоний третьей волны переселений не окрепли настолько, что в умах новых поколений начал возникать закономерный вопрос: а почему мы являемся сырьевыми придатками четырех десятков планет-метрополий?

Так родилась идея независимости Окраины.

Год от года напряжение, связанное с политическим противостоянием центра и периферии, росло, в обитаемом космосе зрел политический кризис. Консервативная политика Центральных Миров, сформулированная сразу по окончании Второй Галактической, когда миры, разоренные войной, действительно нуждались в твердой, устойчивой политической и экономической системе, стремительно устаревала. Нужно было понять, что любая планета, имеющая миллиардное население и развитую экономику, не станет довольствоваться статусом колонии – им следовало дать независимость и включить в состав Конфедерации на правах суверенных планет, но...

Колониальная политика тоже являлась бизнесом. Сложная система экономической зависимости Окраины от планет-метрополий не могла быть разрушена во имя здравого смысла. Существовали конкретные экономические интересы отдельных миров, корпораций, людей, предрежащих власть, – они не желали допустить личного краха во имя изменения межзвездной политики, поэтому кризис зрел. Конфедерация казалась уже не такой пластичной, как прежде, она закоснела в своих амбициях, и в этих условиях, когда начала подниматься муть, в дело вступили третьи силы, которые дремали до этого под жестким контролем Совета Безопасности Миров и царящих в космосе военно-космических сил Конфедерации Солнц.

Когда умирает старый зверь, грозный в расцвете сил, но ставший неповоротливым и дряхлым к старости, вокруг него неизбежно собираются падальщики, не смевшие тронуть исполина, пока он оставался в силе.

Так умирает слон, вокруг которого кружат гиены, шакалы и стервятники. Они ждут, когда огромное животное испустит дух, но не все из собравшихся на погребальный пир обладают неистощимым терпением – зверь умирает медленно, а голод подстегивает окружающих его мелких хищников, и вот кто-то из них, наиболее наглый, голодный и нетерпеливый, бросается вперед, пытаясь прокусить толстую шкуру агонизирующего исполина, чтобы урвать свой кусок мяса и отскочить...

Некоторым это удается.

Так произошло на Хаборе. Ганианцы, не подписывавшие ни одного межзвездного соглашения, не имевшие членства в Конфедерации, а значит, и своей квоты на заселение новых миров, решили, что настала их пора, – старый зверь издыхает и у него можно отгрызть кусок плоти, в виде одной или нескольких подготовленных к колонизации планет.

Они знали, что в этот мир по решению Совета Безопасности переселены с Деметры полудикие племена инсектов – деградировавшие потомки некогда могучей цивилизации древности, а значит, Хабор в этой связи находится под особой опекой военно-космических сил, но тем не менее они ударили, жестко, расчетливо...

Существовала сила, которая организовывала их планы, снабжала информацией и оружием, обучала борьбе с серв-машинами и соединениями бронепехоты.

Сила, которая еще долгое время будет оставаться за кадром исторических событий...

* * *

Хабор. Окраина космопорта. Десять лет назад...

Туман никак не хотел рассеиваться окончательно, хотя солнце Хабора уже взошло и его лучи начали проникать в естественную котловину, окольцованную горными образованиями.

Блуждая в клочьях тумана, Антон потерял счет минутам; рыхлый песок и желтоватая мгла истощили его моральные и физические силы, повсюду он видел следы жестокого боя, ноги гудели от постоянной борьбы с коварно осыпающимся песком, а разум отказывался верить в то, что выхватывал взгляд.

Разгром. Это был разгром. На протяжении километра ему попало пять сожженных шагающих серв-машин, среди которых оказался один «Фалангер» – шестидесятитонный исполин, несущий на себе ракетное вооружение, способное стереть с лица земли небольшой городок...

Покореженные бронескафандры он уже не считал, на это не оставалось моральных сил.

На окраину стартопосадочных полей космопорта он вышел, ориентируясь по звукам внезапно вспыхнувшей стрельбы, даже не задумываясь, что за двадцать минут, которые прошли с момента высадки, он прожил целую жизнь...

В его голове было единственное желание, которое пересиливало все иные заботы и мысли: он хотел выйти к своим, увидеть хоть одного живого бойца...

...На краю стеклобетонного поля, имевшего вид пятисотметровой вогнутой чаши, ютилось несколько складских помещений. Между ними высилось здание диспетчерской башни...

В тот момент, когда Антон поднялся на гребень пограничной дюны, песчаный язык которой, лениво шурша, стекал на уложенный руками людей стеклобетон, автоматный огонь вспыхнул с новой силой.

Он невольно пригнулся, когда над головой взвизгнул рикошет. Было абсолютно непонятно, кто и с кем вступил в огневой контакт: звук стрельбы шел со всех сторон, то утихая на несколько секунд, то вспыхивая вновь... Клочья рассеивающегося тумана ограничивали види-

мость, искажали направление звука, и тогда Польшин решил двигаться к группе приземистых зданий, в надежде, что разберется на месте.

Метров с пятидесяти он заметил фигуры в боевой экипировке, которые, пригибаясь, двигались вдоль невысокого бетонного ограждения в сторону диспетчерской башни.

Антон бросился к ним. Его радость была неистойвой, щемящей, восторженной, он на миг даже устыдился этого чувства – как можно испытывать нечто подобное, когда твои товарищи мертвы? – но его душа уже неуловимо изменилась за те двадцать минут, пока он блуждал в тумане среди страшных свидетельств разгрома первой и второй механизированной волны десанта.

Связь не работала, и потому он просто закричал:

– Ребята, подождите!

Разномастная группа, собранная из бойцов различных подразделений, среди которых действительно было пять или шесть десантников, в этот момент залегла, прижатая огнем. Теперь Антон видел – бьют с верхних этажей башни диспетчерского контроля.

Низкий бетонный забор, призванный отделить одну складскую площадь от другой, не позволял выпрямиться, за ним можно было укрыться только сидя на корточках. Один из бойцов, услышав крик Польшина, обернулся и тут же красноречиво замахал ему рукой, давай, рывком, не останавливаясь, сюда...

Он и так бежал что есть сил.

С башни диспетчерского контроля заметили его и перенесли огонь на одинокую фигуру десантника, пытающегося пересечь открытое пространство.

Очередь впиалась в землю, поднимая полуметровые султаны в двух шагах от задыхающегося Польшина. Не выдержав, он упал, машинально перекатился и вдруг понял: нет сил, чтобы снова вскочить и бежать, тело, налитое свинцом, хотело одного – вращать в этот стеклобетон, слиться с ним...

К пулеметному огню присоединились несколько автоматов, затем в общий хор включилась импульсная винтовка: титановые шарики, выпущенные из «ИМ-12», высекали искры, оставляя конические ямки в стеклобетоне, остальные пули не испарялись, как титан, а уходили в рикошет с характерным визгом, – разнокалиберная смерть плясала вокруг, ярилась, глумясь над распластавшимся телом...

– Сюда давай! – заорал один из бойцов. – Не останавливайся, снайпер прибьет!

Видя, что Антон растерялся и пытается лишь плотнее вжаться в бетон, он выругался и коротко попросил:

– Прикройте!

Четверо десантников привстали, открыв ураганный огонь по проемам окон верхнего этажа диспетчерской башни, а боец рывком преодолел десяток метров, схватил Польшина за ляжку разгрузки и бесцеремонно поволок назад, под прикрытие низенького забора, заставляя ошалевшего Антона машинально переставлять ноги.

Плюхнувшись под забор, боец шумно выдохнул.

– Жить надоело? – покосившись на Польшина, спросил он. Заметив, что Антона трясет, боец безнадежно махнул рукой и вдруг хлопнул его по плечу, осведомившись с беззлобной дружеской непосредственностью, будто не рисковал секунду назад своей жизнью ради этого трясущегося увальня:

– Курить есть?

Голова у Польшина горела как в огне. Он едва ли воспринимал обращенные к нему слова, разуму казалось, что смерть по-прежнему рвет, кромсает мерзлый стеклобетон вокруг беспомощного тела. Губы тряслись, и было неистовое желание зажать их руками...

– Курить есть, балда? – Спасший его боец в форме сержанта бронепехоты повторил свой вопрос, постукав согнутыми костяшками пальцев по шлему Польшина.

– Есть... – Антон непослушными пальцами расстегнул клапан экипировки, достав пачку сигарет. К нему тотчас потянулись руки. Польшин смотрел на лица окруживших его бойцов, все еще плохо соображая, что это происходит с ним наяву... а они уже пустили пачку по кругу, сосредоточенно прикуривали, обмениваясь короткими репликами:

– Броню вызывать надо. Без поддержки не пройдем. Там метров триста голого бетона, крошат...

– Да вызывал уже.

– Пару выстрелов для подствольника бы сейчас...

– А вон, у бойца спроси. Слышь, ты еще полный? – Антон понял, что вопрос адресован ему.

– Да. У меня есть. – Он расстегнул магнитную липучку, и сбоку на разгрузке открылась длинная прорезь подсумка, в ячейках которого тупо блестели головки гранатометных выстрелов.

– Живем! – К нему протянулось сразу несколько рук. – Давай, десантура, не жадничай.

У Антона не хватило духа протестовать, он отдал шесть гранат из десяти имевшихся в нетронутым боекомплекте.

– Свой мужик. Жить будешь, – констатировал тот боец, который выволок его минуту назад из-под огня. – Сытников Павел, можно просто Паша... – он весело блеснул белозубой улыбкой. Его усталое лицо покрывала копоть, бронежилет в нескольких местах был порван осколками: глубокие борозды тянулись по ромбовидным пластинам из металлокевлара, словно его полоснул трехпалой лапой неведомый монстр.

– Зови его Мороком. Он у нас контуженный. Снарядом задело, когда выбирался из бронескафандра. Глюки теперь ловит, – беззлобно пошутил кто-то из бойцов. – Тебя-то как зовут?

– Антон... Польшин. Четвертый десантный взвод...

Он с трудом выдавил последнюю фразу.

– А где твой взвод?

Муть в глазах. Предательская влага, как говорят, недостойная мужчин. Пусть говорят. Значит, не были на войне, не видели, как плачут мужики...

– Положили всех, – пересилив себя, ответил Антон. – Прямо в рампе, при высадке. Модуль подбили.

– Хреново... – раздался сбоку хриплый и злой голос. – Вот и нас тоже встретили. Знали они, что мы будем высаживаться. Знали суки. Сдал нас кто-то.

– Уточни, где вы высаживались? – внезапно раздался четко сформулированный вопрос.

Антон обернулся. Оказывается, среди бойцов был офицер. Галактлейтенант, бронепехота, судя по знакам различия. Выглядел он так же, как все остальные бойцы, – грязный, осунувшийся, прокопченный, но не потерявший чувства злого оптимизма, который читался в его глазах...

Антон машинально попытался отрапортовать, но лейтенант остановил его:

– Не дергайся. – Он жестом остановил Польшина. – И не вздумай вскакивать, оставь, потом где-нибудь на палубном плацу, может, и встретимся... – он невесело усмехнулся. – Так где вас накрыли?

– В двух километрах отсюда. У меня повредило электронику, расстояние приблизительное...

– Понятно... Сам-то как выбрался? – Лейтенант испытующе посмотрел на Польшина.

– Повезло, – скупо ответил Антон. – Высаживался одним из первых, успел уйти в сторону, на позицию. Увидел термальные всплески, открыл огонь, одного точно свалил, а остальные... – он опять почувствовал спазм в горле, – много их было... – Антон проглотил удушливый комок и внезапно для себя заговорил взахлеб: – Они наших... прямо в рампе... Я на связь, по телеметрии, а на мониторах только: мертв... мертв... мертв... Испугался. Начал отходить,

когда орудия модуля замолчали. Потом пуля попала в шлем, срезало антенны. Они раздевали наших, я видел одного в окровавленной разгрузке...

– Убил? – спросил кто-то из бойцов.

– Убил, – ответил Антон. – Со страха убил... – признался он.

– Молодец. – Лейтенант ткнул Понынина сжатым кулаком в плечо. – Не переживай, мы тут за последние несколько часов и со страху подышали, и жгли нас, а вот видишь – живы. Деваться некуда, втянешься. Тут, правда, бардак по полной программе, но ничего, сейчас вон ту башенку возьмем, а там станет веселее. – Он посмотрел в направлении, откуда пришел Антон, и покачал головой. – Хреново, что они сзади нас просочились. Колечко мы не смогли замкнуть, рваное оно, бой очаговый, линии нет...

– Как же так? – спросил Антон у Павла, который с сожалением затынулся в последний раз и загасил тлеющий у фильтра окурок о бетонную плиту.

– Молча. Слышал, что сказал лейтенант? Кто-то предупредил ганианцев о том, что будет высадка и штурм космопорта. Они заранее приготовились, серв-машины пожгли прицельным огнем из лазерных орудий, которые эти дундуки из Совета Безопасности за каким-то лядом распорядились смонтировать на главной башне космопорта.

– А бронепехота? – спросил Антон, вспомнив страшную начинку выгоревшего бронескафандра.

– С РПГ² их... Кумулятивно-зажигательными, в упор. Мало кто выбрался, били так же, как вас, на высадке. Короче, встряли мы тут, по самое некуда... Но ничего... – он сплюнул.

В этот момент за их спинами послышался заунывный вой.

Из-за приземистого здания пакгауза появился контур серв-машины. Это был «Хоплит».

– Броня пришла, – облегченно выдохнул кто-то. – Теперь дадим этим сукам жару.

Боевая машина остановилась, согнув ступоходы за зданием склада. Очевидно, пилот, наученный горьким опытом, не стремился выходить на ровное, открытое со всех сторон поле, где его запросто могли расстрелять из гранатометов или выпустить по серв-машине управляемую ракету. Лейтенант привстал и, пригибаясь, пробежал метров десять вдоль забора. В днище машины с ноющим звуком открылся диафрагменный люк.

Взводный о чем-то переговорил с пилотом. Люк так и остался открытым, но торс машины с визгом повернулся, нацеливая две автоматические пушки на верхний этаж диспетчерского здания. «Хоплит» с ясно различимым воем сервомоторов распрямил ступоходы, приподняв свой торс над крышей пакгауза, его пушки коротко рывкнули, и машина тут же опустилась.

Снаряды легли ниже и правее, вырвав изрядный кусок бетона на уровне второго этажа и обрушив на землю чудом уцелевшую гроздь спутниковых антенн.

Заработал эскалатор перезарядки орудий, вниз, мутно поблескивая, полетели две пустые обоймы из-под снарядов.

Лейтенант что-то проорал пилоту, но из-за лязга не было слышно, что именно. Грохот обвала стих, по краю стартопосадочного поля медленно расползлось облако белесой пыли.

В наступившей вдруг тишине ответ пилота, донесшийся сквозь открытый люк в днище серв-машины, прозвучал глухо, но четко:

– Сам мудак...

«Хоплит», чуть покачнувшись, вновь начал выпрямлять ступоходы, поднимая рубку над плоской крышей здания.

Опять раздался отрывистый лай автоматических пушек, но на этот раз снаряды легли в самое яблочко – весь верхний этаж диспетчерской башни окутали черно-оранжевые разрывы, и тут же безо всякого предварительного разъяснения задач раздалась команда взводного:

---

² РПГ – ручной противотанковый гранатомет.

– Вперед! – Он сам, обгоняя бойцов, уже перемахнул через метровый забор и, петляя, побежал к входу в башню.

Сзади, прикрывая бегущих, заговорили крупнокалиберные зенитные установки «Хоплита». Антон, захваченный общим порывом, побежал к входу в диспетчерскую башню. Не было времени на то, чтобы опомниться, события развивались слишком быстро, а разум откровенно не был готов к их обороту.

Переваливаясь через низкое бетонное ограждение, Польшин успел подумать, что учили-то их совсем иной войне, но это уже оказалось в призрачном прошлом – тридцать минут легли пропастью, окончательно размежевав сознание на две половины, словно с того момента, как подбитый десантный модуль пробил гребень песчаной дюны, началось новое время, отсчет которого приходилось вести с нуля...

Что такое триста метров при стандартной гравитации?

Тридцать секунд надрывного бега в полной боевой?..

Нет... Это вечность... Это порванные судорожным дыханием легкие, оглушительный лай двух зенитных установок «Хоплита», черно-оранжевые оспины разрывов, густо покрывающих стену здания диспетчерской башни, чернеющий вход распахнутой настежь двери, – сознание работает прихотливо, выборочно, намертво запечатлевая в памяти одни фрагменты и напрочь игнорируя другие...

Тридцать секунд – это жизнь в жизни, это рождение нового «я», которое останется в тебе навечно... это...

Из поднебесья вдруг начал накатываться вой.

Звук был тонким, изматывающим, он мгновенно затопил разум, словно кто-то, точно осведомленный о последствиях, заорал на ухо Антону: ЭТО ЛЕТИТ В ТЕБЯ, ПАРЕНЬ!

Он споткнулся, упал, больно ударившись плечом об обломок бетонной стены, и в эту секунду перед входом в здание выросло пять полуметровых кустистых разрывов.

Наушники шлема смягчили раскатистый рык, он не оглох, лишь ощутил, как горячее дыхание ударной волны обдало вжавшееся в бетон тело, свистящая метель осколков прошла выше, и тут же с третьего этажа здания остервенело ударил крупнокалиберный импульсный пулемет.

Пули крошили бетон разгрузочной площадки, не давая поднять головы, кто-то из бойцов вдруг истошно закричал, кровь леденела в жилах от этого звука, хотя всего мгновение назад Польшину казалось, что хуже, чем вой падающих мин, не может быть ничего...

Он невероятным усилием заставил себя приподнять голову. До входа в здание оставалось метров пятьдесят, все пространство перед единственным подъездом усеивали обломки бетона и покореженные фрагменты антенн.

Если не прорваться туда – следующий минометный залп оставит от них лишь клочья плоти.

Хоботок огня бился в узком оконном проеме третьего этажа, крик раненого бойца оборвался, фонтанчики белесой пыли косыми строчками рвали промерзший за ночь стеклобетон...

Антон дал одну очередь, вторую, но пули лишь осыпали стену правее импровизированной амбразуры.

В этот миг он увидел Сытникова.

Паша лежал метрах в пяти от него. Первой мыслью Польшина было: убит... но нет, неестественная поза Сытникова объяснялась иначе. Прячась в мелкой воронке, которую выгрызла в стеклобетоне мина, он, перевернувшись на спину, выцеливал что-то, неестественно вывернув шею и запрокинув голову...

Пак... – граната из подствольника описала параболу и стукнулась о подоконник злополучного оконного проема, разорвавшись оранжевым комом.

Пулемет заткнулся.

Сытников вскочил, словно его подкинуло пружиной.

Никто не кричал, не отдавал команд, но сразу несколько фигур поднялись из укрытий и рывком кинулись вперед, преодолевая последние метры до входа...

Антон тоже вскочил, стремясь уйти с открытого места, пока не накатил следующий залп невидимой минометной батареи.

Первым до дверного проема добежал лейтенант. Шаг в сумрак замкнутого помещения, отрывистые вспышки коротких очередей, болезненный крик, снова очередь...

...Полынин влетел в сумрак здания, когда за спиной снова возник вой падающих мин.

ГРРАААХХ...

Он прижался спиной к надежной стене, которая ощутимо вздрогнула, принимая на себя шелестящий смерч осколков. Из-под подшлемника ручьями струился пот, от тела валил пар, в ушах звенело... во рту разлился кисло-горький привкус пережитого стресса.

– Молодец, Паша, – раздалась скупая похвала лейтенанта.

Антон повернул голову. Их было шестеро, тех, кто прорвался. Сколько человек поднялось в атаку, он не помнил, не успел сосчитать, да и не пришло к нему еще это интуитивное чувство безошибочного счета живых и мертвых. Он слышал крик, помнил, как тот оборвался, значит, как минимум, один человек остался там, на голом бетонном поле, между забором пакгауза и этой башней.

Стены здания опять задрожали – это серв-машина вновь открыла огонь по верхним этажам. Лейтенант Дуглас несколько секунд вслушивался в ритм огня, потом, когда с верхних этажей по лестничному маршу вдруг начало выдавливать вниз клубы едкой белесой пыли, поднял руку с укрепленным на запястье коммуникатором и отрывисто произнес:

– Броня, хватит, обвалишь на нас здание. Затихни, мы начинаем зачистку! – повернувшись к бойцам, он коротко приказал: – Вперед! Двигаемся парами, Сытников, Полынин, правая сторона, Кашперо, Жевье – левые помещения, остальные со мной! Работаем!

Лейтенант первым ступил на лестничный марш. Сзади его прикрывали двое бойцов, стволы «штормов» смотрели вверх в узкое пространство лестничных переходов.

Два пролета прошли без приключений. Двери, ведущие в коридор второго этажа, были сомкнуты, блок электронного управления, вырванный из гнезда, висел на жгутах проводки.

Пока Эл Жевье возился с системой электромоторов, пытаясь восстановить цепь питания, Дуглас достал из подсумка желтый брикет пластичной взрывчатки, размял его энергичным движением пальцев и ловко вытянул в корявую колбаску неравной толщины.

– Отойди.

Жевье постороился. Лейтенант с усилием вдавил пластид в узкую щель между автоматическими створками двери, воткнул электронный детонатор и скомандовал:

– Вниз, живо!

Все отступили на один лестничный пролет.

Сытников широко открыл рот и присел, зажав ладонями уши. Он был без шлема. Антон последовал его примеру, только уши зажимать не стал, а стиснул автомат, глядя в сумрак верхних этажей.

На втором полыхнуло пламя, ударная волна прокатилась судорогой, черный дым свило в спиралевидный вихрь. Сквозь клубы дыма и пыли пробилось пламя – это огонь охватил косяк выбитых дверей.

Снова вверх. Створки дверей взрывом разогнуло в стороны, пластик косяка пузырился и горел, испуская едкий, вонючий дым.

Дуглас ворвался в коридор, прошел длинной очередью узкое пространство, махнул рукой, продолжая держать под прицелом пространство впереди себя.

Антон вслед за Сытниковым миновал взорванный проем, ноги оскользнулись, он посмотрел на пол и увидел какие-то бурые ошметья, с содроганием догадавшись, что это останки того боевика, что ждал их за дверью в надежде расстрелять в упор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.